

0-775977

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

РУСАКОВА Марина Валентиновна

**РЕЧЕВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ
ЭЛЕМЕНТОВ РУССКОГО ЯЗЫКА**

Специальность 10.02.01 – Русский язык

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2009

Работа выполнена на кафедре русского языка факультета филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Богданов Сергей Игоревич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Черниговская Татьяна Владимировна

доктор филологических наук, профессор
Плунгян Владимир Александрович

доктор филологических наук, профессор
Подлесская Вера Исааковна

Ведущая организация: Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена

Защита состоится «30» апреля 2009 г. в 16 часов на заседании
совета Д 212.232.18 по защите докторских и кандидатских диссертаций при
Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 199034,
г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11, ауд. 135.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. Горького
Санкт-Петербургского государственного университета (199034, г. Санкт-
Петербург, Университетская наб., д. 7/9).

Автореферат разослан «28» марта 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

 Руднев Д. В.

Введение

Научная новизна данной работы, основные задачи которой, несомненно, лежат в области грамматики, заключается, в том, что грамматические явления анализируются в ней в неотрывной связи с их реализацией в естественной речи и в речевой деятельности, во взаимодействии грамматики с другими языковыми компонентами и аспектами.

Общезыковая природа грамматического явления не может быть определена без учета того, – тем более, в противоречии тому, – как эта единица представлена в индивидуальной языковой системе носителя языка. Настоящая работа **актуальна**, поскольку обнаруженные в ней факты могут быть встроены в лингвистическую теорию, отражающую одновременно закономерности, наблюдаемые в текстах, в речи и в речевой деятельности. **Актуальность** данной работы определяется также и тем, что она вносит вклад в создание грамматики русского языка, ориентированной на говорящего и слушающего человека.

Теоретическая значимость данной работы связана с тем, что в ней предлагаются решения таких вопросов грамматики, решить которые, оставаясь в рамках традиционных методов лингвистического анализа, невозможно.

Данная работа преследует двоякую **цель**: проникновение (посредством установления закономерностей восприятия и порождения русской речи) в индивидуальную грамматику носителей русского языка, с одной стороны, и создание некоторых разделов ориентированного на человека описания грамматики русского языка – с другой. Двоякость поставленной **цели** определяется невозможностью и ненужностью отрывать два указанных аспекта исследования друг от друга.

Предметом исследования данной работы являются реализующиеся в речи и речевой деятельности грамматические единицы. Отправной точкой исследования являются словоизменительные единицы и словоформы.

В соответствии с поставленной двоякой целью **задачи** работы распадаются на два взаимосвязанных комплекса. **Первый комплекс задач** заключается в исследовании механизмов восприятия и порождения речи, необходимом для построения общезыковой теории. Центральным для понимания подлинной природы словоизменительных единиц и других компонентов морфологии русского языка (а это – задача собственно лингвистическая) является ответ на вопрос о том, для чего (имеется в виду вполне конкретное «для чего», т.е. для передачи какой информации) и как (имеется в виду вполне конкретное "как", т.е. при помощи каких приемов, правил, механизмов) **носители языка** оформляют словоформы в словоизменительных категориях, реализуют в речи категории классифицирующие, встраивают словоформы в прагматический, семантический, синтаксический контекст. Решение задач первого комплекса позволяет описывать соответствующие **собственно лингвистические**

закономерности. Создание такого рода описания представляет собой **второй комплекс задач** данной работы.

Материал для данной работы собирался автором более чем двадцать лет, в течение которых мною фиксировались нестандартные речевые проявления: ошибки, оговорки, ослышки, описки, языковая игра, реализация вариативных единиц. Обращение к доступным Интернет-ресурсам позволило использовать в качестве материала и созданные другими исследователями корпусы русского языка, в первую очередь – многомиллионный Национальный корпус русского языка. Использовались расшифрованные записи спонтанной устной речи. Существенным компонентом материала являются данные, полученные в экспериментах.

К числу основных исследовательских **методов**, используемых в работе, относятся следующие: 1) наблюдения а) над речью, разворачивающейся в процессе естественной коммуникации, б) над спонтанной речью, разворачивающейся в заданных условиях (рассказ по картинке, пересказ стимульного текста и пр.); 2) обращение к корпусам письменной и устной речи; 3) эксперимент; 4) анализ речевых сбоев. Разумеется, в данной работе используются и традиционные методы лингвистического анализа, а также обыкновенные для всякой научной работы методы, такие как рассуждения, умозаключения и пр.

Основные теоретические положения, выносимые на защиту.

В области методологии лингвистического исследования:

1. Термин и понятие *психолингвистика* в современном языкознании являются избыточными.

2. Решение многих лингвистических вопросов возможно только при переходе от трактовки в категориях «да» или «нет» к принципу «И, а не ИЛИ».

3. Лингвистическая теория должна строиться с учетом фактора случайности.

В области глобальных закономерностей речевой деятельности:

1. Повышение скорости порождения речи в ущерб правильности является одной из глобальных стратегий говорения.

2. При оформлении словоформы говорящие **одновременно** используют многие стратегии.

3. Естественный язык представляет собой систему, оптимальное использование которой предполагает постоянные отклонения по отношению к самой этой системе.

В области закономерностей оперирования различными языковыми сущностями в процессе порождения и восприятия речи (стратегии и механизмы):

1. В процессе порождения и восприятия речи носители языка используют стратегию согласовывания. Использование стратегии рассогласовывания не выявлено.

2. В процессе порождения и восприятия речи носители языка используют стратегию опоры на естественный прагматик

В области грамматической теории:

1. Природа многих грамматических явлений соответствует принципу «И а не ИЛИ».

2. Существует два типа вариативности: а) вариативность, связанная с передачей смыслов, б) вариативность, связанная с семантической и прагматической опустошенностью грамматического явления. Вариативности этих двух типов могут взаимодействовать в рамках одного грамматического компонента.

3. Характер протекания процесса извлечения слова из лексикона существенным образом влияет на процессы словоизменительного оформления словоформы и процессы синтаксирования.

В области грамматики русского языка:

Многочисленные положения, связанные с различными вопросами русской грамматики, приводятся в соответствующих разделах. Например:

1. Граммема множественного числа имеет (по крайней мере) два значения: 1) 'больше, чем один', 2) 'больше, чем два'.

2. Категория одушевленности/неодушевленности существительного в русском языке является классифицирующей и (в соответствии с «И, а не ИЛИ принципом») словоизменительной.

3. Категория падежа является семантически наполненной (а не синтаксической и формальной).

В области единиц, которыми носители русского языка оперируют в процессе письма:

1. Система «письменных» единиц разных уровней отличается от системы устных единиц.

2. В процессе письма используются операциональные единицы самой разной природы, от наиболее простых – отдельных графем – до более сложных графических единств, как соотносимых с единицами значащих уровней языка (морфемами и, возможно, словами), так и семантически пустых (квазиморфем).

3. Грамматические морфемы представляют собой самостоятельную подсистему в системе «письменных» единиц.

4. Письмо по-русски представляет собой отчасти процесс перекодировки устной речи в графические символы, а отчасти процесс, независимый от устного языка.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования её результатов в университетских курсах по морфологии в рамках направлений «теория грамматики» и «психолингвистика», а также в курсах, посвященных грамматике русского языка. Различные корпусные материалы, собранные автором работы, могут быть использованы в качестве языкового материала как лингвистами, работающими в области изучения разговорной речи, грамматики, психолингвистики, так и студентами на практических занятиях. Результаты данной работы также могут быть использованы в целях диагностики для различения системных ошибок и ошибок патологического характера; для коррекции речевого поведения; для

целенаправленного формирования у публичных ораторов стратегий, позволяющих избежать наиболее частотных ошибок. Полученные в работе сведения о грамматической системе русского языка могут быть использованы в процессе преподавания его как иностранного, а сведения о закономерностях разворачивания письменной формы речи целесообразно учитывать при обучении детей письму и чтению.

Апробация работы. Результаты исследования обсуждались на заседаниях отдела теории грамматики Института лингвистических исследований РАН (2003–2008), на заседаниях постоянно действующих при Петербургском лингвистическом обществе семинаров по функциональной грамматике и онтолингвистике, на научных чтениях Петербургского лингвистического общества (2000), а также на различных Всероссийских и международных конгрессах, симпозиумах и конференциях, школах-семинарах филологов, психолингвистов, когнитологов (Москва, Санкт-Петербург, Казань, Пермь, Череповец, Тбилиси, Ереван, Новосибирск, Хельсинки (Финляндия), Берлин (Германия), Краков (Польша), Порто (Португалия), Вена (Австрия), Будапешт (Венгрия), Экс-ан-Прованс (Франция), Инсбрук (Австрия), Таллин (Эстония), Ставангер (Норвегия)).

По результатам исследования опубликовано 79 работ (общим объемом 34,5 п.л.), в том числе монография «Психолингвистика. Вступительные лекции», допущенная в качестве учебного пособия для филологических факультетов высших учебных заведений, главы в коллективных монографиях, методические пособия и программы учебных курсов. Содержание и основные результаты исследования применяются в четырех учебных курсах (ЦППК ФЛ СПбГУ), ранее использовались в различных курсах на филологическом факультете и факультете коррекционной педагогики РГПУ им. А.И. Герцена, в курсах «Психолингвистика», «Онтогенез языка и речи» (Вильнюсский университет), а также используются при подготовке и проведении Городской олимпиады по русскому языку, председателем жюри которой автор является с 1991-го года.

Основное содержание работы

Диссертация состоит из Введения, семи глав, Заключения, Библиографии и Приложений.

Во **Введении** определяются цели и задачи исследования, указывается его новизна и актуальность, перечисляются применяемые методы, а также положения, выносимые на защиту.

ГЛАВА 1. ОБЩИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РАБОТЫ

Теоретический пафос, исследовательские принципы и методологические особенности работы

Так называемый антропоцентрический подход, не противопоставляемый так называемому традиционному языкознанию, применяется в данной работе ко всем аспектам языковых явлений.

Настоящая работа представляет собой попытку изучения различных аспектов грамматики русского языка как при помощи традиционных, так и при помощи «психолингвистических» методов.

Объектом настоящего исследования являются словоформы, грамматические категории, морфологические классы слов, закономерности реализации перечисленных грамматических явлений в речи, закономерности оперирования этими явлениями при порождении и в меньшей степени при восприятии речи. В сферу вопросов, рассматриваемых в данной работе, оказались втянуты некоторые механизмы синтаксирования и извлечения слова из лексикона, а также некоторые закономерности порождения письменной речи. Выход за пределы морфологии объясняется идеологической направленностью исследования, необходимостью продемонстрировать единство языковой системы, невозможностью оторвать друг от друга различные уровни и аспекты речевой деятельности.

В центре большинства разделов данной работы оказываются либо нестандартные речевые события, либо нестандартные компоненты русской грамматической системы, однако анализ тех и других является лишь способом узнать новое о явлениях стандартных.

Задачи большинства разделов настоящего исследования стоят «на стыке» функционирования различных уровней и аспектов языковой системы в речи и в речевой деятельности.

Цель изучения разнообразных мелких и крупных звеньев функционирования грамматики сводится к следующим аспектам.

Во-первых, предполагается с помощью исследования функционирования отдельных грамматических явлений затронуть и вопросы, связанные с **моделированием обращения человека к языковой системе** (постолуку, поскольку в "малом" отражается "большое").

Во-вторых, рассматриваются **лингвистическая природа** и механизмы порождения и восприятия конкретных грамматических явлений русского языка как самоценный объект изучения.

И, в-третьих, рассматриваются взаимоотношения грамматики (синтаксиса и морфологии) с **лексическим** компонентом при построении высказывания.

В каждом разделе настоящей работы свой предмет рассмотрения, но только все разделы в целом позволяют подступиться к главному объекту исследования: функционированию грамматической системы в речи и в речевой деятельности. Этим определяется природа цельности данного

исследования. На уровне формальной организации цельность данного исследования выражается, в частности, в том, что ему приданы некоторые свойства **гипертекста**: во-первых, глава «Служебные исследования и теоретические положения» содержит компоненты, релевантные как для текста в целом, так и для отдельных его фрагментов; во-вторых, приводится альтернативный вариант «Содержания». В основу последовательного расположения глав в тексте работы положен принцип, связанный с традиционным вычленением компонентов грамматической системы и языка в целом (например, «глагол», «категория одушевленности / неодушевленности», «письменная форма речи» и т.п.). Однако не менее адекватным общему содержанию был бы другой принцип. Главы могли бы быть расположены (и это отражено в альтернативном варианте «Содержания») в соответствии с теми свойствами, которые являются характерными одновременно для разных грамматических явлений (например, вариативность, конкуренция стратегий, градуальность семантических противопоставлений в грамматике).

Термин и понятие «психолингвистика»

По поставленным задачам и, в еще большей степени, по методам исследования настоящая работа может восприниматься как «психолингвистическая». Я, однако, вижу другое место для своего исследования в системе языковедческих дисциплин.

Для того чтобы классифицировать науки, нужно преодолеть противоречие между неразрывностью знаний и конечным, строго ограниченным набором терминов. Думается, что для преодоления этого противоречия при отнесении исследования к той или иной научной дисциплине следует просто «или» заменить на «и». Нет никаких противоречий в том, что одно и то же исследование является «своим» **И** для психологов, **И** для нейрофизиологов, **И** для лингвистов. Сказанное в первую очередь относится к полученным результатам. Если они могут быть встроены в здание какой-либо науки и способствовать движению вперед, то эти новые знания и следует признать достоянием этой науки независимо от того, в какие еще научные системы они могут быть встроены.

Полученные в ходе разнообразных по методам научных исследований факты, которые традиционно считаются психолингвистическими, могут встраиваться и в собственно лингвистическую теорию, и в системы психологических и нейрофизиологических знаний.

Несмотря на условность, создание таксономии научных знаний не безразлично для развития научных дисциплин. При назывании отдельных участков любого континуума у человека, и, в частности, у научного сотрудника, складываются представления о самостоятельном статусе названных словом, оформленных терминологически фрагментов. Поэтому появление и существование “ярлыка” для новой научной дисциплины может быть оправданным в том случае, если оно стимулирует консолидацию исследователей, думающих в определенном направлении. Думаю, что в

настоящее время уже нет необходимости в специальном термине, который давал бы толчок для развития изучения речевой деятельности и индивидуальных языковых систем человека.

В этих условиях сохранение термина *психолингвистика* может оказаться не только бесполезным, но и вредным, поскольку этот термин поддерживает иллюзию «островного» положения психолингвистики в пространстве наук о человеке. Сохранение этого термина может только препятствовать интеграции знаний, полученных разными способами, но подчиняющихся общим задачам, что в свою очередь будет мешать построению единой ориентированной на человека лингвистической теории.

Если какие-то границы и следует проводить, то думаю, что более целесообразно отграничить от остальной лингвистики те теории, которые **не** ориентированы на человека, и выделить в рамках языкознания «**непсихолингвистику**». Думается, тем самым, что слово *психолингвистика* является избыточным и поддерживает как "традиционных" лингвистов, так и психолингвистов в ошибочном на настоящий момент убеждении, что перед ними стоят разные задачи. Также полагаю, что уже и сейчас начинать определение термина *лингвистика*, по крайней мере в русских словарях, следует так: «Лингвистика – антропоцентрическая наука...».

Представляется, что именно «психолингвисты» больше всех должны быть заинтересованы в том, чтобы употребление термина *психолингвистика* постепенно сошло на нет. Именно постепенное исчезновение этого термина из научной практики будет способствовать тому, что ценнейшие результаты многочисленных психолингвистических исследований «на равных правах» войдут в систему знаний о языке и в той мере, в которой это окажется оправданным, будут включены в соответствующие языковедческие дисциплины, в частности – в грамматику.

Настоящая работа воспринимается мной как собственно лингвистическая, функциональная по духу. Ее результаты могут быть встроены в теорию словоизменения, морфологию и морфосинтаксис, некоторые результаты могут быть также встроены в синтаксис и лексикологию русского языка.

Несмотря на то, что повлиять на закономерности использования слова, пусть даже и термина, один человек не может, в настоящей работе слово «психолингвистика» будет употребляться, поелику возможно, редко.

ГЛАВА 2. Конкуренция стратегий и механизмов в процессе говорения

Обращение к речевым сбоям как метод исследования

Одним из основных методов, применяемых в данной работе, является обращение к **речевым сбоям** (отклонениям). В настоящей работе под речевым сбоем понимается широкий комплекс фиксируемых в речи явлений, оценка которых говорящими располагается в континууме от «так сказать по-русски невозможно» до «лучше было бы сказать по-другому». Поскольку

отклонения в русской речи изучены недостаточно, необходимо обратиться к этому явлению не только для обоснования метода исследования, но и для его изучения как самостоятельного объекта.

Анализ естественных устных текстов свидетельствует: отклонения в русской речи регулярны, по частотности они сопоставимы с таким явлением, как, например, употребление существительных. Столь типичное явление фактически игнорировалось исследователями русского языка лишь потому, что в течение многих десятилетий постсоветская лингвистика обращалась преимущественно к фактам письменной речи.

Абсолютно подавляющее большинство исследований, осуществленных с опорой на речевые отклонения, заключается в анализе отдельных отклонений, примеров, выводы касаются чаще всего характера и причин самих ошибок, а не собственно лингвистических закономерностей. Получение собственно лингвистической информации возможно лишь с опорой на большие (при этом целостные, а не выборочные) массивы данных, на классификацию, на вычленение групп отклонений, осуществленное по принципу: «однородные сбои в однородных условиях». Далее в этой главе анализируются отклонения, заключающиеся в порождении грамматически неадекватных словоформ.

Корпусной анализ отклонений

Анализ одной однородной группы отклонений: естественный прайминг. На основании многолетних наблюдений и классифицирования по принципу «однородные сбои в однородных условиях» в данной работе вычленяются однородные группы отклонений, пригодные для лингвистического анализа. Рассмотрим два высказывания со сбоями.

- (1) – *Неужели это можно вывесить на улице?*
· Да, это было **вывесено**.
- (2) *Он уже загружен. Внизу посмотри, я **загрузила**.*

В обоих случаях в девиантных словоформах были реализованы те же корневые алломорфы, которые говорящий употребил в непосредственно предшествующем левом контексте. Напрашивается мысль, что это и явилось причиной сбоев. Для обозначения подобных ситуаций введем термин *естественный прайминг*.

Используемое в данной работе обращение к «естественному праймингу» позволяет пополнить арсенал методологических средств антропоцентрической лингвистики, ведь до сих пор метод прайминга применялся исключительно в экспериментальных, а не в естественных условиях.

Трактовка приведенных высказываний как содержащих эффект прайминга требует доказательств, которые невозможно получить на двух примерах. Для того чтобы выяснить, провоцирует ли естественный прайминг сбои рассматриваемого типа, были произведены подсчеты. Подсчеты по корпусу отклонений показывают, что 47% сбоев, заключающихся в

искажении глагольной морфологии в процессе порождения словоформы, произошли в тех случаях, когда порождаемой словоформе предшествовала другая, содержащая тот же корень, но другой его алломорф. Этот процент существенно выше процента тех употребляемых в речи глагольных словоформ, которым в левом контексте предшествуют глагольные словоформы, содержащие тот же корень.

Следовательно, столкновение в речи двух вариантов одного корня (или одной основы) провоцирует сбой при порождении глагольной словоформы, следующей за глагольным праймом. Тем фактом, что естественный прайминг провоцирует сбои при порождении глагольных словоформ, определяется целесообразность вычленения соответствующей группы как самостоятельной таксономической единицы в общей системе речевых отклонений.

Механизмы, которые применяет говорящий, порождая девиантные словоформы рассматриваемого типа, понятны. Вместо того чтобы начинать выполнение последовательности действий с поиска нужного глагола в лексиконе, говорящие обращались к тому варианту основы, который уже был реализован и к моменту порождения девиантной словоформы был активирован. Обращение к уже активированному варианту основы ускоряет процесс порождения речи, однако может привести к сбою. Следовательно, стратегия опоры на естественный прайм дает говорящему возможность использовать дополнительные механизмы порождения словоформы по сравнению со стратегией игнорирования естественного прайма. Путь, по которому идет говорящий с использованием опоры на прайминг, короче и проще других, но может привести не в ту конечную точку, в которую говорящему нужно попасть.

Приведенный анализ позволил 1) продемонстрировать плодотворность работы с массивом отклонений, организованных в однородную группу, 2) выявить следующую закономерность: увеличение возможностей говорящего упрощает и ускоряет процесс порождения речи на рассмотренном отрезке, однако повышает вероятность сбоя в этом процессе.

Как уже говорилось, исследование речевых отклонений и их причин в данной работе является средством, а не целью. Поэтому следующим шагом является переход от анализа речевых сбоев к выявлению стратегий и механизмов, при помощи которых осуществляется порождение **недевиантных** форм. Этот переход осуществляется путем рассуждения.

Рассуждение. Анализ сбоев в речи показал, что говорящие регулярно используют механизм опоры на естественный прайм. Абсурдно следующее предположение: говорящие используют этот механизм только тогда, когда это с высокой вероятностью приводит к отклонению. Следовательно, верно обратное утверждение, а именно: механизм опоры на естественный прайм используется регулярно, при порождении как девиантных, так и недевиантных словоформ. Даже в тех условиях, когда в речи имеется естественный прайм и при этом варианты основ двух форм различаются, правильные словоформы все

же регулярно порождаются. Следовательно, стратегия игнорирования естественного прайма также применяется регулярно.

Говорящие обычно замечают сбой, заключающийся в порождении аномальной словоформы; следовательно, и тогда, когда говорящие допускают сбой вследствие опоры на прайм, параллельно применяются и другие стратегии. Общий вывод рассуждения заключается в том, что при порождении как девиантных, так и недевиантных словоформ говорящие *одновременно* применяют больше, чем одну стратегию. Стратегии конкурируют.

Результаты анализа состава однородных групп отклонений. Получить новую информацию оказалось возможным после того, как свое место в системе однородных групп (однородные отклонения в однородных условиях) нашли все встретившиеся словоформы, девиантные для грамматической структуры соответствующего высказывания. Существенным оказалось то, какие однородные группы в корпусе есть, но еще более существенным оказалось то, каких групп в корпусе нет.

Анализ выделившихся в корпусе групп отклонений, связанных с порождением словоформ, показал, что подобного рода отклонения бывают **только** тогда, когда: 1) существует больше, чем один, механизм и/или стратегия порождения словоформы; 2) не все существующие пути **обязательно** приводят к правильному порождению словоформы.

Следовательно, **все** отклонения в процессе порождения словоформ происходят из-за конкуренции стратегий и механизмов.

Основные положения, вытекающие из корпусного анализа сбоев.

1. Порождение девиантных словоформ является неотъемлемым свойством порождения речи, а не разрушением отдельных компонентов этого процесса.
2. Повышение скорости порождения речи в ущерб правильности является одной из глобальных стратегий говорения.
3. Отклонения в звучащей речи не случайны.
4. Из сказанного следует, что глобальной стратегией говорящих является одновременное использование многих стратегий при оформлении словоформы.
5. Регулярное порождение речевых сбоев определяется закономерностями организации языковой системы.
6. Речевые сбои описанного типа - признак высокого уровня развития языковой компетенции.

Заключительная лингвистическая максима. Естественный язык представляет собой систему, оптимальное использование которой предполагает постоянную реализацию отклонений по отношению к самой этой системе.

Согласовывание как глобальная стратегия речепорождения

Одним из ярких результатов конкуренции стратегий и механизмов является окказиональное согласование. Так, в следующих примерах окказиональное согласование наблюдается из-за того, что говорящие согласовывали существительные с препозитивными прилагательными. Следовательно, такая стратегия существует, хотя к сбою в данном случае не привела бы конкурирующая стратегия: морфологическое оформление существительного без опоры на прилагательное.

(3) *Информация из Соединенных Штатах.*

(4) *Давай дойдем до этого скамейка.*

(5) *Теперь как-то мало стало этих немецких овчарк/ь/х.*

Регулярно в русской разговорной речи встречается даже согласование между словоформами, не входящими в синтаксические конструкции, предполагающие внутреннее согласование.

(6) *Там есть две девицы, одну зовут Аню, другую Виду.*

Использование стратегии согласовывания, видимо, является естественным глобальным механизмом морфологического оформления словоформы в русском языке, что и приводит к гипертрофированному употреблению этой стратегии. В то же время в моем корпусе как будто бы не обнаруживается таких явлений, которые указывали бы на применение стратегии рассогласовывания.

Результаты, полученные в этой Главе, используются в последующих частях исследований. В Главах 3–6 анализируются проблемы русской грамматики, не поддающиеся однозначному решению в рамках традиционного грамматического анализа. В Главе 3 и 4 рассматриваются **именные** и **глагольные** категории соответственно. Глава 5 посвящена речевым процессам, происходящим **на стыке** различных языковых компонентов, а глава 6 – функционированию языковых элементов в **письменной речи**.

Глава 3. Имя и именные категории: речевые реализации и языковой статус

Падеж

О роли случайного в падежной грамматике. Длительная и непрекращающаяся полемика вокруг природы категории падежа заставляет признать, что невозможно решить проблемы падежа ни в рамках «синтаксического» подхода, ни в рамках «морфологического» подхода, ни в рамках синтеза двух направлений.

Так, например, анализ различных словосочетаний, включающих словоформу в творительном падеже, показал, что, будучи семантически наполненной в одних контекстах (прежде всего, в контекстах с творительным орудия), русский творительный в других контекстах выступает как семантически и прагматически не нагруженный, что дает основание говорить

о его синтаксической связанности. Закрепленность употребления творительного падежа в некоторых контекстах в значительной степени является результатом исторической **случайности**.

Подобная картина характеризует, конечно, не только творительный, но и другие падежи русского языка и большинство других грамматических явлений. Рассмотрим, например, лексико-семантическую группу существительных, обозначающих заведения общественного питания: *ресторан, кафе, буфет, столовая, закусочная, забегаловка, рюмочная, чайная, пирожковая* и т.д. *Кафе, ресторан, буфет* – немотивированные существительные, остальные слова производные, но элементы значения мотивирующих лексем, легшие в основу словообразования, весьма разнородны и тем самым во многом случайны¹. Ситуация с этой лексико-семантической группой напоминает ситуацию с категорией падежа.

Итак, для построения адекватной теории грамматической категории необходимо признать закономерным существование в ее рамках компонента случайности. Однако при выявлении **семантики** грамматической категории необходимо опираться именно на ее неслучайные компоненты.

Стратегии падежного оформления в русском языке (анализ речевых отклонений). Размышления лингвистов по поводу природы категории падежа позволяют теоретически исчислить две возможные стратегии (предложно-)падежного оформления субстантивной словоформы: **с опорой** на предикатную лексему и **без опоры** на предикатную лексему.

Неадекватное предложно-падежное оформление словоформы существительного является одним из самых частотных сбоев в русской речи.

Иногда говорящие указывают на то, что сбой в именных словоформах произошли вследствие лексического или синтаксического перепланирования высказывания и замены одной предикатной лексемы (чаще всего, глагола) другой.

- (7) *Я об этом уже обсуждала* (о том, что N приглашен на конференцию; интроспективный отчет: «хотела сказать *говорила*, но тогда бы вышло, что я рассказывала, а я с самим N и говорила, потом хотела сказать *разговаривала*, но это значит, просто разговаривала»).

Гораздо чаще, однако, интроспективные отчеты говорящих свидетельствуют о том, что никакой конкуренции предикативных лексем при подготовке высказываний не было.

- (8) *Ну, просто если ты набредешь что-нибудь* (интроспективный отчет: «никакого другого глагола не было»).

Существенно то, что наблюдения над другими типами сбоев и интроспективными отчетами к ним показывают, что, когда такая конкуренция есть, она может быть с легкостью отрефлектирована говорящим.

Следовательно, порождая (предложно-)падежную форму, говорящие могут и не ориентироваться ни на уже извлеченный из лексикона предикат.

¹ Хотя все-таки заведения общественного питания в русском языке не называются *кроватьная, подушечная* или, скажем, *засыпаловка*.

ни на другой, возможный в том же высказывании. Механизм, используемый в данном случае, заключается в том, чтобы в определенной семантической (конструкционной) позиции употреблять именную словоформу в определенном предложно-падежном оформлении. Это значит, что у носителей русского языка существуют механизмы, позволяющие морфологически оформлять предложно-падежную форму в соответствии с тем, какое место она должна занять в семантической (в широком смысле) структуре высказывания, а не путем формального подчинения существительного управляющему элементу.

Невозможно допустить, что носители русского языка применяют эту стратегию **только** тогда, когда это заведомо ведет к неуспеху.

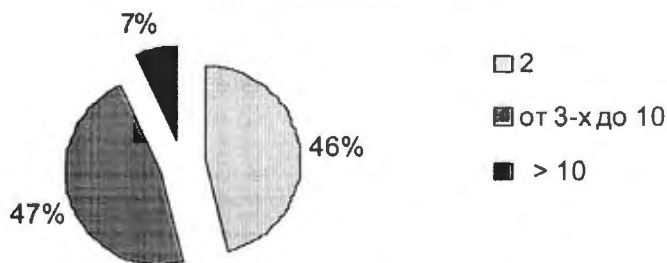
Следовательно, можно с уверенностью утверждать, что стратегия независимого от предиката предложно-падежного оформления именной словоформы используется и тогда, когда ее применение приводит к успеху, и является вполне обычной.

Если при помощи языкового средства в определенных (стандартных) ситуациях можно передавать элемент смысла, то именно передача смысла и является основным предназначением этого средства в системе языка. Следовательно, категория падежа в русском языке является значимой, а не формально-синтаксической.

Два и другие малые количества в мыслительном пространстве, языке и речи

Известно, что релевантность для говорящего информации о количестве обратно пропорциональна количеству обозначаемых в речи объектов. Это косвенно проявляется уже в частотности различных числительных в текстах, см. Диаграмму 1, данные в которой основаны на подсчетах по текстам современных русских детективов.

Диаграмма 1. Частотность числительных в тексте

В работе выдвигается гипотеза о том, что для носителей современного русского языка (несмотря на то, что в нем отсутствует морфологическое двойственное число) мыслительное отражение множества, состоящего из двух объектов, является когнитивно более "выпуклым", чем все бóльшие

множества, и это находит свое систематическое языковое выражение. Эта гипотеза проверялась в двух экспериментах.

*Первый эксперимент*². Согласно экспериментальному заданию, испытуемые должны были рассказать, что они видят на картинке:

счетную конструкцию, т.е. указание на количество объектов (*Три девочки сидят с книжкой на скамейке*). 2) ответ, в котором употребляется существительное в форме мн.ч. (*Спорящие коты*), 3) ответ, в котором испытуемые демонстрируют восприятие объектов как неоднородных (*Кот обиделся на кошку*), 4) ответ, в котором испытуемые демонстрируют восприятие объектов как представляющих собой единое целое, а не расчлененное множество (*Что-то вкусное и приятное*).

Были получены следующие статистически значимые результаты.

1. Количество ответов разных типов для разных картинок варьирует.

2. Релевантность информации о точном малом количестве стимульных объектов оказалась высокой для всех типов картинок. В зависимости от картинки выбор счетной конструкции составлял от 37% до более двух третей от общего числа ответов.

3. Степень предпочтения выбора счетной конструкции выбору формы множественного числа при обозначении малых количеств статистически значимым образом различается для разных стимулов.

Было сделано предположение, что вероятность выбора формы множественного числа зависит от определенных факторов. В выявлении этих факторов заключается задача второго эксперимента.

Второй эксперимент. Для того чтобы устранить факторы, зашумляющие результаты первого эксперимента (пространственная организованность и не полное тождество изображенных объектов), было создано 6 примитивных картинок. По инструкции испытуемые должны были описать картинки, используя не более 8 слов.

Подавляющая часть ответов распалась на две неравные по объему группы: 1) ответы, содержащие словоформу множественного числа: 7 ответов, 2) ответы, содержащие счетную конструкцию: 554 ответа. Таким образом, абсолютное большинство испытуемых сочло необходимым указать на количество объектов, изображенных на картинке.

Выводы по экспериментам и обсуждение.

1. На снижение релевантности информации о количестве объектов влияет их неоднородность, а также объединенность в единое целое.

² Эксперимент проведен и частично обработан Софьей Оскольской.

2. Эксплицитное указание с использованием числительного на равное двум и трем количество исчисляемых однородных не объединенных в единое целое объектов является практически облигаторным для носителей русского языка в некоторых речевых ситуациях. Напротив, граммема множественного числа в этих речевых ситуациях не используется. Тем самым, выявленная закономерность имеет непосредственное отношение к грамматике категории числа в русском языке.

3. Результаты двух экспериментов подтвердили идею «выпуклости» малых количеств в когнитивном пространстве и позволили оценить степень релевантности соответствующей информации: в зависимости от ситуации информация о том, что объектов два или три, выражается в большом количестве случаев – от 37% до 100% от общего количества возможностей эту информацию выразить.

Наблюдения над естественной коммуникацией подкрепляют результаты экспериментов. Факт облигаторности числительного *два* в некоторых контекстах означает, что в такого рода контекстах – в высшей степени типичных – формы множественного числа значат не только "больше, чем один", но также и "больше, чем два". Тем самым, граммема множественного числа имеет (по крайней мере) два значения: 1) больше, чем один, 2) больше, чем 2.

Таким образом, мыслительная категория дискретного количества и ее отражение в языке представляют собой сложную систему и отнюдь не сводятся ни к противопоставлению "один – много", репрезентированному, на первый взгляд, в морфологии существительного, ни к противопоставлению количеств однородных объектов, реализующемуся в употреблении числительных.

Категория одушевленности/неодушевленности

Основное внимание в этом разделе будет посвящено семантике категории одушевленности / неодушевленности (далее н/о) в русском языке. Сначала на основе ряда экспериментов и наблюдений над корпусом будет рассматриваться вопрос о формально-грамматическом или семантически наполненном характере этой категории. Далее будет обсужден характер периферии в области категории н/о. В третьем подразделе будет рассмотрена внутренняя семантическая структура категории н/о в терминах «степени одушевленности».

Формально-грамматическая vs. семантическая наполненная категория. Для того чтобы обратиться к вынесенному в подзаголовок вопросу с опорой на «антропоцентрические ценности», была проведена серия экспериментов.

Два эксперимента были проведены по методике «Рассказ по картинке»¹. В ходе первого эксперимента испытуемые описывали то, что они видели на отдельных картинках. Стимульным существительным в

¹ Благодарю Ирину Чирковскую за помощь в проведении и обработке экспериментов.

инструкции к эксперименту приписывались новые значения, противоположные истинным по признаку живой/неживой. Так, на рисунках первой серии были изображены неживые объекты: цветок, конфеты и телевизор. Испытуемым сообщалось, что вместо этих обозначений надо употреблять (соответственно) существительные: *гусь, кошки, волшебник*. На рисунках второй серии были изображены живые объекты: гусь, кошки, волшебник. Испытуемым сообщалось, что для обозначения этих объектов надо употреблять (соответственно) существительные: *цветок, конфеты, телевизор*. Стимульный материал был организован так, что провоцировал испытуемых использовать стимульные существительные в винительном падеже. Как и ожидалось, испытуемые использовали формы двух типов: 1) оформляли существительные в соответствии с закрепленной в языке моделью (*гуся, цветок*), 2) оформляли существительное в соответствии с приобретенным в эксперименте значением (*гусь, цветка*). Было зафиксировано 344 (98%) ответов первого типа и всего 7 (2%) ответов второго типа.

В ходе второго эксперимента испытуемые строили связный рассказ по серии картинок. В эксперименте исследовались неодушевленные существительные. Рассказывая «историю» о зонтике и стуле в первой серии и о Кошельке и Пенале – во второй, испытуемые должны были употреблять глаголы, подписанные под рисунками (см. рисунок). Информантами выступили те же испытуемые, что и в первом эксперименте.

увидел

позвал

узнал

поприветствовал

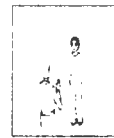
увидел

позвал

узнал

поприветствовал

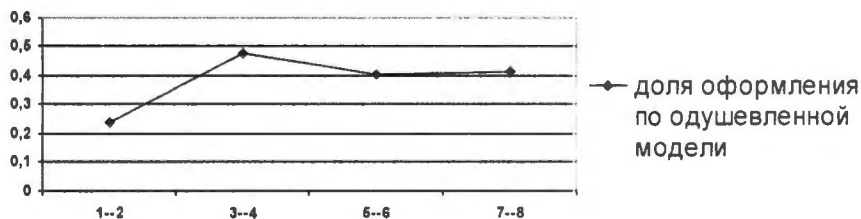
Выполнение задания второго эксперимента многих испытуемых часто ставило в тупик. Это проявлялось в суждениях типа: «Я не знаю.... В каком падеже это говорить?», а также в порождении несуществующих форм, например, «зонтик увидел... *стулу*».

Обращает на себя внимание тот факт, что в этом эксперименте доля форм, оформленных в соответствии с тем значением стимульного слова, которое приписывалось ему в инструкции (т.е. в данном случае оформленных по одушевленной модели), оказалась гораздо выше, чем в первом эксперименте, и составила 35% (181 словоформа против 334

словоформ-реакций, оформленных по неодушевленному типу). Такой результат уже сам по себе говорит о том, что наличие связного сюжета способствует употреблению семантически мотивированного, а не лексически закреплённого варианта оформления существительного.

Эта закономерность особенно заметна, если рассмотреть, каким образом менялись предпочтения испытуемых по ходу выполнения экспериментального задания. Выполняя задание эксперимента 2, испытуемый должен был использовать «проблемные» существительные в форме винительного падежа в общей сложности 8 раз. На следующем графике видно, что вероятность выбора одушевленной, т.е. семантически мотивированной, модели возрастала начиная с третьего столкновения с словом-стимулом и далее уже существенно не понижалась. Тем самым, можно говорить о роли «привыкания» при освоении лексемой-существительным новых свойств, связанных с категорией н/о.

График 1. Изменение доли оформления существительных по одушевленной модели по ходу выполнения задания

Третий эксперимент был обращен к метаязыковой способности носителей русского языка. Испытуемыми в эксперименте были 202 участника городской олимпиады по русскому языку – ученики 8–9 классов. Экспериментальное «задание» было следующим: «Раскройте скобки: *Маша смотрела на (куклы), лежащие в дальнем конце зала*. Одушевлённым или неодушевленным является слово *кукла*? Свой ответ объясните». Результаты эксперимента представлены на Диаграмме 2.

Диаграмма 2. Распределение количества ответов кукол и куклы

На Диаграмме 2 видно, что большинство испытуемых предпочли форму *кукол*. Ни один испытуемый не отметил, что выбранная им форма не единственно возможная. Объясняя свой ответ на вопрос об одушевленности слова *кукла*, 50 испытуемых основывались на совпадении выбранной ими же

формы винительного падежа с формой именительного либо родительного падежа (то есть на усвоенные грамматические представления), большинство же испытуемых (152) опирались на собственные научные или наивно-реалистические представления о куклах. Среди этих 152 испытуемых только у 69 (меньше половины) ответ на вопрос об одушевленности соответствовал форме слова *кукла*, выбранной ими при раскрытии скобок.

Таким образом, результаты эксперимента показали, что 1) носители языка не чувствуют присущей слову *кукла* вариативности и 2) выбор формы винительного падежа (множественного числа) слова *кукла* не связан с тем, что носители языка *думают* по поводу н/о обозначаемого объекта.

Полученные в эксперименте результаты сравнивались с данными небольшого корпусного исследования. Из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) методом сплошной выборки были извлечены все контексты, содержащие слово *кукла*, употребленное в винительном падеже множественного числа (*кукол* или *куклы*). Контексты, содержащие эти формы, были условно разделены на 'одушевленные' (например, если говорится о кукле в ситуации игры в дочки-матери), 'неодушевленные' (например, если говорится об изготовлении простых глиняных кукол) и нейтральные. Распределение форм винительного падежа *кукол* и *куклы* по трем типам контекстов показано на Диаграммах 3 и 4.

Диаграмма 3. Распределение реализаций формы *кукол* в контекстах различных типов

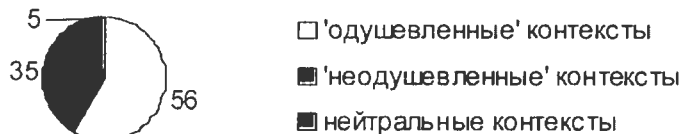
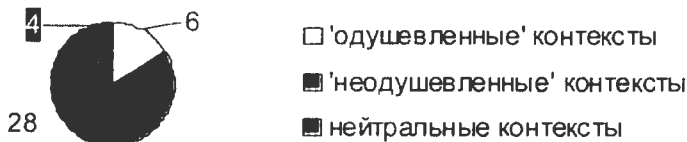

Диаграмма 4. Распределение реализаций формы *куклы* в контекстах различных типов

Данные корпусного исследования показывают: форма *кукол* не выражает ни значения одушевленности, ни значения неодушевленности. Форма же *куклы* является маркированной по этому признаку и употребляется в тех случаях, когда говорящие мыслят о куклах как о неодушевленных объектах.

По результатам трех экспериментов в сопоставлении с корпусным исследованием можно сделать следующие выводы: 1) Функция передавать смысл в сфере противопоставления «одушевленный – неодушевленный»

присуща формам существительных винительного падежа единственного числа мужского рода и множественного числа существительных всех родов. 2) В процессе речи совершается оценка объекта по признаку «живой – неживой», однако переход лексической единицы на новую, семантически мотивированную, модель грамматического поведения обычно происходит не сразу, а по мере употребления слова в речи. 3) Принципы выбора одушевленного или неодушевленного варианта не могут быть полностью осмыслены и вербализованы носителями языка. 4) К лингвистической трактовке различных аспектов природы категории н/о в полной мере применим не искажающий суть явлений «И, а не ИЛИ принцип»: в одних случаях она реализуется как формально-грамматическая, в других как семантически наполненная.

В процессе речевого общения говорящие часто оказываются в ситуациях, подобных тем, в которых оказались испытуемые в первых двух экспериментах (рассказ по картинке). Это происходит в тех случаях, когда одушевленные или неодушевленные существительные путем переноса значения начинают обозначать объект противоположного онтологического класса. При употреблении таких единиц с переносным значением наблюдаются закономерности, близкие к обнаруженным в экспериментах. Рассмотрим это на примере идиоматических сочетаний *белый воротничок* и *синий воротничок*.

При употреблении обоих сочетаний наблюдается вариативность оформления в категории н/о. Однако существенно то, что количественные характеристики реализации вариативности у рассматриваемых сочетаний статистически значимо разнятся: сочетание *белый воротничок* употребляется по одушевленному варианту гораздо чаще (χ^2 , $p < 0,01$).

*Диаграмма 5. Распределение форм винительного падежа сочетаний *белый воротничок* и *синий воротничок**

Существенно то, что сочетание *белый воротничок* появилось в русском языке раньше, чем *синий воротничок*. Полученные факты свидетельствуют о том, что производная комплексная единица с переносным значением в своем развитии движется от реализации категории н/о в соответствии с исходной формой к реализации этой категории в соответствии с результирующим (производным) значением. Эта яркая закономерность грамматики русского

языка наблюдается в различных вариациях и при использовании других единиц с переносным значением (ср. с результатами второго эксперимента).

Нестандартные явления в области категории одушевленности / неодушевленности. Принято считать, что категория н/о относится к числу грамматических категорий с широким центром и чрезвычайно узкой периферией. Между тем, периферия этой категории включает огромное количество явлений (часть из которых вообще не упоминается в грамматиках). В частности, описанные уже выше единицы с переносным значением (типа *белый воротничок*) широко употребительны в русской речи. В исследованиях по грамматике русского языка приводятся перечни существительных, обозначающих единичные объекты и характеризующихся по разным причинам вариативностью в сфере н/о (в частности, к ним относится существительное *кукла*, использованное в предыдущем разделе при обращении к общей природе категории н/о). Однако собранные мною данные показывают, что и эти перечни должны быть существенно пополнены. Приведем еще несколько примеров различных типов непрототипических отношений «форма – содержание» в категории н/о:

- (9) *И она стала уважать эту самую Василису как объект личной Божьей любви (...)* [Людмила Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света (2000)] НКРЯ.
- (10) *Зенит не смог обыграть аутсайдера – московское Торпедо.*
- (11) *Тетка пришила к одеялу вырезанного из бумаги разноцветного клоуна.* [Владислав Крапивин. Белый щенок ищет хозяина (1962)] НКРЯ.
- (12) *Приходится давать студентам свой / своего Зализняка* (комментарий: имеется в виду словарь, составленный А.А. Зализняком).
- (13) *(...) звонок этот совсем не дорогой – и ваши десять или пятнадцать рублей пойдут на питание животного, которого вы назовете.* [О. Г. Баринов. Зоологический сад // "Первое сентября", 2003] НКРЯ.
- (14) *Говорит Иван, – продайте / Златогривых два коня, / Да возьмите ж и меня. / Братья больно покосились, / Да нельзя же! согласились. / Двух коней, коль хошь, продай, / Но конька не отдавай (...)* (Ершов. Конек-горбунок).
- (15) *Там, говорят, сократили эту группу Тихонова на два человека.* [Л. Я. Гинзбург. Записные книжки. Воспоминания. Эссе (1920–1943)] НКРЯ.

Описывая периферию в области категории н/о исследователи указывают на то, что к ней относятся слова типа *табун, народ* и т.д., обозначающие группы живых объектов, но являющиеся неодушевленными. Следует, однако, заметить, что применение модели реализации категории н/о, характерной для слов типа *табун*, этими словами отнюдь не ограничивается:

- (16) *Каледин приступил к переформированию казачьих полков, оставляя на службе лишь четыре младших возраста (...)* [А.И. Деникин. Очерки русской смуты. Том II. Борьба генерала Корнилова (1922)] НКРЯ.
- (17) *Жалобы, отписки, переписки посыпались целой лавиной, – волнуя весь служащий Сахалин.* [В.М. Дорошевич. Сахалин (Каторга) (1903)] НКРЯ.

Типичным пример периферийного явления в области категории н/о представляет собой конструкция, обозначаемая обычно как «конструкция *идти в солдаты*», в которой одушевленные существительные после предлога *в* выступают в форме, совпадающей с формой именительного падежа множественного числа.

Корпусное исследование показало, что в НКРЯ в конструкцию «идти в солдаты» оказалось вовлечено более 1000 **разных** существительных и более 300 **разных** глаголов. Глаголы с легкостью приобретают окказиональные возможности в эту конструкцию втягиваться. Таким образом, мы имеем дело не с набором идиоматических выражений, а с открытым грамматическим явлением (синтаксической идиомой).

(18) — *Что-нибудь случилось, Иосиф Самуилович? — Сегодня в ООФД меня провалили в академики.* [Воспоминания о Шкловском (1996)] НКРЯ

Предложно-падежная форма «в+винительный падеж» входит в одну парадигму с другими предложно-падежными формами (*в лес* : *в лесу* – *из леса*). Конструкция «глагол + форма множественного числа типа *в солдаты*» также входит в парадигму (*в солдаты* – *в солдатах* – *из солдат*). Конструкции, содержащие формы типа *в солдаты*, связаны с обозначением вхождения в множество людей в его пространственном «осмыслении» носителями языка.

Таким образом, конструкция типа *идти в солдаты* представляет собой не набор застывших единиц, а полноценный компонент русского «малого синтаксиса».

Характер периферии, наблюдаемой в области категории н/о подтверждает идею о двоякости ее природы (семантическая и формально-грамматическая).

«Степень одушевленности» как онтологическая характеристика объектов. Анализ в этом разделе опирается на закономерности употребления существительных в сочетании с числительным *несколько*: закономерности употребления таких именных групп в винительном падеже позволяют сделать явным то тайное в категории н/о, что скрыто завесой облигаторности.

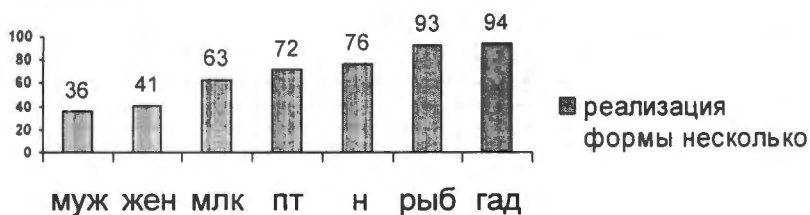
Выбор формы числительного *несколько*, несомненно, является функцией от н/о существительного, входящего с ним в счетную группу. В сочетании с неодушевленным существительным в винительном падеже возможна только форма *несколько*, в то время как в сочетании с одушевленным существительным в винительном падеже возможна и форма *несколько* и форма *нескольких*. Тем самым объекты, обозначаемые существительными, тяготеющими к сочетанию с формой *нескольких*, следует трактовать как **более одушевленные**, чем объекты, обозначаемые существительными, тяготеющими к сочетанию с формой *несколько*.

82 одушевленных существительных были распределены по следующим классам: «мужчины» (муж), «женщины» (жен), «млекопитающие» (млк), «птицы» (пт), «насекомые» (н), «пресмыкающиеся» (гад) и «рыбы» (рыб) и оценены по их сочетаемости с формой *несколько* и *нескольких*.

Выяснилось, что доля формы *несколько* довольно систематически возрастает от класса «мужчин» к классу «рыбы и гады» в приведенном порядке; следовательно, именно у этого порядка уменьшается «степень одушевленности» существительных в восприятии носителей русского языка.

Самым «одушевленным» среди рассмотренных имен и словосочетаний оказался *молодой человек*, а самыми неодушевленными – *селедка*, *уклейка*, *красноперка* и *форель*. Четкой границы между классами, однако, нет: так, например, *таракан* по одушевленности занял место между млекопитающими *котом* и *лошадью*, а *красавица* оказалась не только самой «неодушевленной» из всех людей, но и более «неодушевленной», чем, например, *таракан*, *утка*, *тисица*. При этом все-таки ни один гад или рыба не оказались одушевленное какого-либо человека.

Диаграмма 6. Доля (от общего числа употреблений числительного *несколько* в винительном падеже) формы *несколько* для разных классов существительных

Данные показывают, что в целом мужчины «одушевленное» женщин, женщины «одушевленное» (других) млекопитающих, млекопитающие «одушевленное» птиц, птицы «одушевленное» насекомых, которые в свою очередь «одушевленное» пресмыкающихся и рыб.

Интересным представляется тот факт, что самым «одушевленным» млекопитающим оказался *дельфин* (8-ой ранг, следующий из млекопитающих – *волк* – только на двадцатом месте). Думается, что этот факт отражает бытовые представления о том, что дельфин очень умный, что дельфины общаются, хорошо относятся к людям и т.д.

В целом распределение форм *несколько* и *нескольких* в сочетаниях с одушевленными существительными определяется положением этих существительных на шкале, отражающей иерархические отношения в сфере одушевленности.

Интересным оказалось распределение форм *несколько* и *нескольких* в контекстах с эллипсисом существительного.

(19) *Володя и Дубков любили говорить о предметах своей любви (и бывали влюблены вдруг в **нескольких** и оба в одних и тех же) (...)* [Л.Н. Толстой. *Отрочество* (1854)]

Любое (даже обозначающее рыбу или пресмыкающееся) опущенное одушевленное существительное провоцирует появление формы *нескольких* в еще большей степени, чем самое одушевленное из протестированных выше. Доля формы *несколько* для сочетания *молодой человек* – 0,11, а для сочетаний с опущенным существительным – 0,022.

Риску предложить следующее объяснение этому факту: в сочетаниях с опущенным существительным есть **единственный** способ «материально»

выразить одушевленность объекта – выбрать форму *нескольких*. Это значит, что форма *нескольких* берет на себя функцию выражения одушевленности. Можно сказать, что одушевленность является «характеристикой» именной группы в целом.

Подводя итоги, следует сказать, что онтологическая характеристика живой/неживой находится в нетривиальных отношениях с грамматической категорией н/о. Нетривиальность этих отношений проявляется также во взаимодействии категории н/о с категорией числа. Существительные, характеризующиеся вариативностью в категории н/о по-разному ведут себя в единственном и во множественном числе. Доля случаев, когда «проблемное» существительное оформляется по типу, характерному для неодушевленных существительных, практически во всех случаях статистически значимо больше во множественном числе, чем соответствующая доля для того же существительного в единственном числе.

Тот факт, что для считаемых единиц само единственное число является более одушевленным, чем множественное, как кажется, является нетривиальным (хотя он и соотносим, как представляется, с корреляцией между двумя из известных иерархий, установленных М. Сильверстейном).

Глава 4. Категории глагола в динамике и статике

Видовая пара русского глагола в индивидуальном лексиконе и в речевой деятельности

Наблюдения над характером сбоев в глагольных словоформах показывают, что носители русского языка часто их порождают, опираясь на другие глагольных словоформы в качестве исходных. При этом даже глаголы, характеризующиеся самым нерегулярным типом словоизменения, иногда конструируются в речи и сами служат основой для аналогий. Тем самым, можно утверждать, что пропасти между регулярным и нерегулярным словоизменением в русском языке нет.

В русской речи часто наблюдаются случаи, когда отправной точкой для образования форм одного вида являются формы глагола, парного по виду:

Куда М. будет поступать? (вместо *поступать*; вероятно, получено путем имперфективизации глагола *поступить* по существующей в языке модели, ср. *употребить* – *употреблять*).

Такого рода явления, несомненно, определяются закономерностями хранения видовых пар в индивидуальном лексиконе и говорят о существовании своего рода надвидовых гиперпарадигм. Реальность понятия гиперпарадигмы и становление этой системы в онтогенезе исследовались экспериментально.

В ходе эксперимента испытуемым предлагалось производить одни глагольные формы от других. Контексты были составлены таким образом, чтобы в них было возможно использование как совершенного вида, так и несовершенного. Как «правильные» засчитывались реакции испытуемых,

представлявшие собой словоформы того же глагола (а не парного ему по виду), что и словоформа-стимул; результаты представлены в Таблице.

Таблица. Доля «правильных» ответов для испытуемых разного возраста

Возраст	3	4	5	6	7–12	Взрослые
Правильные ответы	73%	67%	61%	67,5%	62%	61%

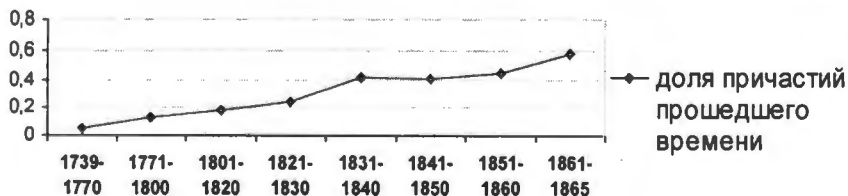
Как следует из результатов эксперимента, скорее всего, члены видовых пар изначально осваиваются независимо друг от друга, но на более поздних этапах их ментальные репрезентации вступают в регулярные взаимоотношения друг с другом, что приводит к формированию единой гиперпарадигмы. Таким образом, невозможно считать ни что словоформы членов видовых форм хранятся совершенно раздельно (в таком случае вероятность порождения противоположной по виду словоформы стремилась бы в эксперименте к 0), ни что словоформы членов видовых пар не разъединены в ментальном лексиконе (в этом случае вероятность порождения противоположной по виду словоформы стремилась бы в эксперименте к 50%).

О конкуренции действительных причастий прошедшего и настоящего времени

Существует грамматическая позиция (далее: позиция неопределенности), в которой конкурируют действительные причастия настоящего и прошедшего времени. Так, можно сказать *Я ел конфеты, лежащие на столе* и *Я ел конфеты, лежавшие на столе*. Два приведенных высказывания соотносятся с одной и той же ситуацией. Возможно также, что они имеют и один смысл, хотя вероятно также и то, что (тонкие) различия в смыслах этих высказываний существуют.

Выбор причастия в позиции неопределенности был изучен на выборке объемом 4000 контекстов. Было обнаружено, что распределение причастий прошедшего и настоящего времени в позиции неопределенности существенным образом изменялось в течение последних трех веков; это отражается на следующем графике, полученном путем подсчета доли причастий прошедшего времени в позиции неопределенности.

График 2. Изменение доли (по отношению к общему количеству причастий, употребленных в позиции неопределенности) причастий прошедшего времени

Трудно представить, что статистика, касающаяся временной отнесенности высказываний, радикальным образом менялась в период, отраженный текстами НКРЯ. Тем самым, полученные данные следует трактовать так: ни причастие настоящего, ни причастие прошедшего времени не выражают время в позиции неопределенности. Трудно представить себе и то, что с течением времени существенным образом меняются таксисные взаимоотношения действий, обозначенных в двух предикациях внутри высказывания. Тем самым, причастие настоящего времени не выражает и одновременность. Следовательно, выбор причастий настоящего и прошедшего времени в позиции неопределенности связан не с грамматической семантикой, а с другими факторами, вероятнее всего, просто с привычками говорящих, узусом, возможно, нормой.

Сказанное поддерживается и следующим: распределение причастий настоящего и прошедшего времени в позиции неопределенности в чрезвычайно значительной степени определяется индивидуальными предпочтениями автора.

Диаграмма 7. Распределение причастий настоящего и прошедшего времени в произведениях (1831–1837) А. С. Пушкина

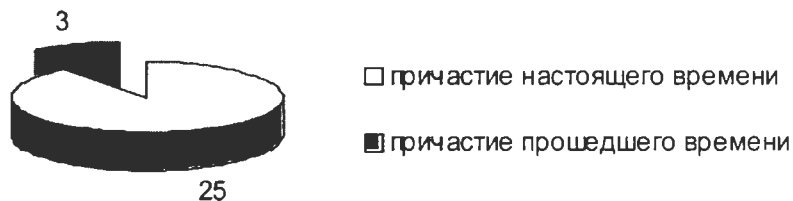
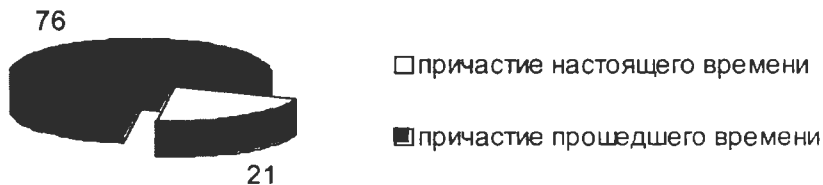

Диаграмма 8. Распределение причастий настоящего и прошедшего времени в произведениях (1831–1840) Н. В. Гоголя

В связи с этим была поставлена задача поиска факторов, влияющих на выбор причастия в позиции неопределенности, в каждом конкретном случае. Для решения этой задачи был проведен эксперимент⁴.

В качестве стимульного материала использовались предложения, содержащие причастие от глагола *лежать* в позиции неопределенности. В причастии были пропущены суффиксы, которые испытуемые (277 человек – участников олимпиады по русскому языку) должны были восстановить. В

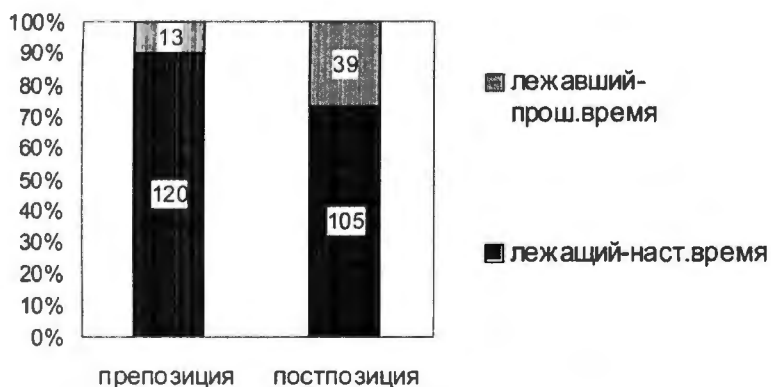
⁴ Благодаря Полину Осольскую, которая осуществляла первичную обработку результатов эксперимента и активно участвовала в обсуждении полученных данных.

результате проведения эксперимента были выявлены по крайней мере следующие факторы.

1) Фактор грамотности информантов. Результаты проведенного эксперимента позволили выявить несколько неожиданный фактор, влияющий на выбор причастия: чем выше грамотность испытуемого, тем более вероятен выбор причастия прошедшего времени.

2) Фактор «пре-/постпозиция» причастия (различие статистически значимо, применялся критерий χ^2 ; $p < 0,01$), см. следующую Диаграмму.

Диаграмма 9. Распределение причастий настоящего и прошедшего времени в зависимости от их позиции по отношению к определяемому слову

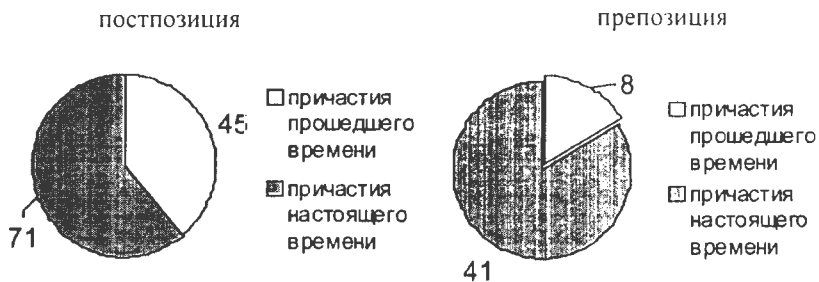

Также было проведено исследование, позволяющее выявить зависимость выбора причастия от индивидуального стиля у современных носителей русского языка.

Диаграмма 10. Распределение причастий настоящего и прошедшего времени в детективах Татьяны Устиновой

Диаграмма 11. Распределение причастий настоящего и прошедшего времени в детективах Дарьи Донцовой

Примечательно то, что в аспекте выбора причастий в позиции неопределенности Дарья Донцова ведет себя «как Пушкин», в то время как Татьяна Устинова ведет себя почти «как Пушкин» для причастий в препозиции, и почти «как Гоголь» для причастий в постпозиции. У обеих писательниц постпозитивное употребление определения провоцирует выбор причастия прошедшего времени.

На основании различных данных были сделаны следующие выводы.

1. В русском языке сложилась уникальная для грамматики ситуация, когда распределение морфологических форм явлений (причастий настоящего/прошедшего времени) подчиняется, в первую очередь, не потребностям в выражении смысла, а факторам, не связанным со смыслом, и вообще является в значительной степени случайным.

2. На выбор между причастиями настоящего и прошедшего времени (статистически значимо) влияет фактор порядка слов. Причастия прошедшего времени тяготеют к постпозиции. Этот фактор, думается, является фактором-следствием. В основе этого фактора лежит другой фактор – «степень адъективации причастия».

3. У носителей русского языка есть представление о норме выбора причастия, хотя эти представления не являются абсолютными и не зафиксированы ни в одном соответствующем издании. Думается, что зафиксированный во второй половине восемнадцатого века и в первой половине двадцатого века рост причастий прошедшего времени определяется именно проникающей в речевые привычки пишущих идеи нормативности.

Глава 5. Речевые процессы на стыках компонентов языковой системы

Одной из центральных единиц, рассматриваемых в данной работе, является **морфема**. Понимание этой единицы не может быть полным, если ее исследование остается исключительно в рамках морфологического компонента. В Главе 5 некоторые свойства морфем вскрываются путем обращения к взаимодействию между морфологическим и другими компонентами языковой системы.

Реальность морфемы и согласные, парные по признаку глухости/звонкости, в зеркале интроспекции⁵

Учение о фонеме всегда было неразрывно связано с учением о морфеме. В настоящем разделе освещаются вопросы, важные для фонологии, которые, однако, в свою очередь позволяют пополнить представления о сущности морфемы в зеркале антропоцентрического подхода.

Исследование опирается на метод обращения к металингвистическим суждениям наивных носителей языка. Металингвистические суждения, несомненно, являются **не независимыми** от тех языковых, речевых или лингво-процессуальных явлений, по поводу которых они высказываются. Лингвистическая теория, разумеется, не может непосредственно строиться на металингвистических суждениях, но при антропоцентрическом подходе такие суждения могут оказаться ценным – пусть и косвенным – источником информации.

Для расширения знаний о природе фонемы и фонологических свойств морфем был проведен эксперимент, в ходе которого испытуемые отвечали на вопросы типа: «Скажи, как ты считаешь, что произносится на конце в слове ...». Это вопрос задавался по отношению к согласным, парным по глухости/звонкости, в слабой позиции.

Полученный материал может анализироваться с разных сторон и классифицироваться по разным признакам. Выяснилось, что информантам кажется, что они могут вывести в светлое поле сознания **чисто фонетические закономерности**:

... док между к и г. Тут звук... это некоторый континуум, он не делится на составляющие. Есть чистые звуки к и г: в слове гад, например. Все остальные либо абсолютно идентичные, либо в этом континууме.

Часто информанты описывают «артикуляторные» признаки:

– Больше похоже на вэ, но зубы как-то дальше.

Иногда информанты говорят о «перцептивных» признаках:

Все-таки между д и т, но скорее т. Это я внутренним голосом определял.

Насколько развит слух, столько градаций мы и выделим.

Некоторые информанты различают собственно звучание и строевой статус соответствующей единицы, тем самым подходя к понятию фонемы:

Ну, вообще-то б там произносится, потому что слово /рып/, оно такое короткое, непонятно, что получается, если п сказать. Я п говорю, да? Но все равно, я думаю, что там б.

Незнакомые с учением Соссюра, информанты, тем не менее, противопоставляют язык речи:

Все-таки, т на конце. Немножко оглушается. Рифмуется с обед. Нет, тут могут быть варианты. Можно и много бед сказать. Зависит от того, какой человек говорит. Чем менее человек интеллигентный, тем больше он оглушает.

Информанты проявили себя и как наивные психолингвисты:

⁵ Данный раздел работы был выполнен совместно с Надеждой Дич.

– И вообще, я думаю, что произносит человек не то, что он думает. Вообще, последняя буква нечетко произносится, поэтому сложно определить.

Некоторые информанты пытаются найти закономерности, связанные с фонотактическими законами русского языка, и, в частности, подходят к понятию регрессивной ассимиляции.

– *Что, ты хочешь сказать, что озвончается? Не вынуждай меня говорить глупость!! Глухой никогда не озвончается. Это как доминантные гены. Это примерно как о может произноситься, как а, а а, как о, – не может. Тут такая же логика. Глухие всегда глухие.*

– *Мне кажется, проще произносить два подряд звонких.*

– */оддых/, /оддых/. Вообще, буква дз. Там делается акцент на букве о, чтобы тэ не произносить, а сразу дз.*

Таким образом, в целом аспекты, в которых проявляются наивные фонетические представления, такие же, что и в научном описании фонетики (фонологии) языка.

Для вопросов, поставленных в данном исследовании, принципиально важно то, что информанты проявили абсолютное единодушие в трактовке тех глухих согласных в позиции на конце слова, которые **не чередуются** со звонким: такие согласные, естественно трактовались как глухие (*щенок*).

Ответы совсем другого рода были получены по отношению к **глухим согласным, чередующимся со звонкими**. Общее мнение испытуемых сводится к тому, что в конце слова в соответствующей позиции выступает нечто среднее между глухим и звонким. При этом такая «усредненность» может трактоваться по-разному: одни испытуемые считают, данный звук – это нечто промежуточное между глухим и звонким, другие считают, что существует вариативность произнесения этих звуков у разных носителей языка (см. примеры выше); некоторые испытуемые называют этот звук переходным, имея в виду, что он в процессе произнесения меняет свои свойства:

– *Вначале с, а потом з, хочешь с, а потом з произносишь.*

Практически во всех ответах информантов содержится идея о том, что существуют «настоящие» глухие и звонкие согласные, но существуют и согласные, которые не являются ни глухими, ни звонкими, а являются чем-то средним между ними, т.е. попадают **в зону металингвистической неопределенности**. Разумеется, нельзя строить фонологическую теорию, напрямую основываясь на суждениях информантов, но следует признать, что звуки, которые находятся в зоне металингвистической определенности, и звуки, которые находятся в зоне металингвистической неопределенности, имеют соответственно различные статусы в языковой компетенции носителя русского языка. Если считать фонемой строевой элемент ментальной репрезентации плана выражения значимой единицы, то в антропоцентрической фонологии имеет смысл как фонема в «ленинградском» понимании, так и фонема в «московском» понимании.

Полученные данные свидетельствуют о том, что в зону металингвистической неопределенности попадают в первую очередь те непарные по глухости/звонкости согласные в слабой позиции, которым

соответствуют нефонетические написания. Однако в основе русской орфографии лежит морфологический принцип, и поэтому часто было невозможно определить, что именно влияет на металингвистические представления говорящих: закономерности письма или же закономерности чередования согласных в рамках морфемы. Тем не менее, некоторые суждения говорящих свидетельствуют о том, что морфемный состав слова и вне зависимости от орфографии отражается в индивидуальных фонетических (фонологических?) репрезентациях слов:

А вот знаешь, как я тебе скажу! Ведь есть две рубки: рубка леса и рубка-помещение. Пишутся одинаково. Но вот если это рубка леса, есть рубить – без освобождается, звучит свободно, и поэтому в рубке там четко без произносится. А помещение для меня через из.

Такие ответы по поводу этого слова носят регулярный характер. Очевидно, что у взрослого человека актуализированность морфемного строения слова, сказывающаяся на способе репрезентации его плана выражения в ментальном лексиконе, не может не поддерживаться навыками орфографического письма. Однако при всех обстоятельствах, полученные сведения однозначно свидетельствуют о том, что ментальная репрезентация фонетической структуры слова не независима от его морфемного членения.

Русские диминутивы: морфологический, синтаксический, лексический анализ

В русском языке морфемное оформление диминутивности/оценочности может регулярно реализовываться на существительных и прилагательных. Соответствующие суффиксы и их значения в русских грамматиках традиционно называются *уменьшительными* или *уменьшительно-ласкательными* и относятся к классу субъективно-оценочных. При этом остается непонятным, почему значение собственно уменьшительности попадает именно в данный класс: если при употреблении существительных и прилагательных стилистический компонент не вносится, то и говорить о субъективной оценке не представляется разумным. Так, например, в слове *пенек* наличие суффикса – *ок* определяется прежде всего размерами обозначаемого объекта (ср. *пень*).

Возможность уменьшительных суффиксов передавать как собственно уменьшительные, так и собственно ласкательные, а также уменьшительные + ласкательные значения создает невозможность разграничить эти значения в речи. Особенно фрагментарной и противоречивой является картина, которая вырисовывается при сопоставлении различных (чаще всего сделанных «между прочим») трактовок функции русских диминутивных прилагательных, которые могут передавать разнообразные значения.

Однако наблюдения над текстами и проведенные эксперименты показывают, что в русском языке неопределенность в употреблении уменьшительных суффиксов существительных частично снимается путем употребления уменьшительных и неуменьшительных прилагательных. Если рассмотреть прилагательные как члены атрибутивного словосочетания в их

сочетании с существительными, можно навести гораздо больший порядок в определении значений и функций уменьшительных суффиксов в составе каждого из компонентов.

Словосочетания типа «неуменьшительное прилагательное + уменьшительное существительное» употребляется в стилистически нейтральной речи, когда говорящий не ставит задачу разграничивать оценочные и уменьшительные значения.

Словосочетания типа «уменьшительное прилагательное + уменьшительное существительное» употребляются прежде всего для создания или усиления стилистического эффекта или для решения говорящими прагматических задач:

Да в столовой на чистенькую скатерть поставьте (Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

Речь Иудушки Головлева изобилует словосочетаниями подобного типа. Очевидно, они предназначены выполнять прагматическую функцию и выражать ласковое (в данном случае лицемерно-ласковое) отношение говорящего к слушающему. Показателен и следующий минидialog:

А. – *Мамочка, где у нас иголочки и ниточки?* (комментарий: шутливо-ласковое обращение взрослой дочери к матери; прагматический смысл выбранного дочерью тона заключается примерно в следующем: «Извини меня за то, что я бесхозяйственная настолько, что даже не знаю, где у нас иголки и нитки»). О данной трактовке можно спорить, но мать – автор данной работы – восприняла прагматический смысл выбранного тона и морфопрагматические приемы именно так).

Б. – *В коридоре в красненькой коробочке* (комментарий: об очень большой, нейтральной с точки зрения «приятности/неприятности» жестяной коробке ярко красного цвета; мать подыгрывает дочери в выборе прагматического регистра).

Употребление уменьшительных прилагательных может вносить и другие, часто трудноуловимые оттенки в рассматриваемые словосочетания – их описание требует недостижимой в автореферате степени подробности.

Особым своеобразием отличается употребление словосочетаний типа «уменьшительное прилагательное + неуменьшительное существительное». Такие словосочетания возникают тогда, когда выражение значений, выражаемых в других случаях уменьшительными существительными, берет на себя прилагательное. Это происходит, например, в следующих случаях: а) если от существительного невозможно (или трудно) образовать производное с уменьшительным суффиксом (*напишу два коротеньких абзаца*), б) если неуменьшительное и производное от него уменьшительное существительные разошлись в значениях (*они хорошо откатали свою старенькую программу*).

Суффикс уменьшительного прилагательного *оньк* обычно упоминается в разделе «субъективно-оценочные суффиксы прилагательного» наряду с суффиксом *-оват-*. Между тем, при помощи суффикса *оват* выражается свойство признака определяемого объекта, а не самого этого объекта. Суффикс *-оньк-* в подавляющем большинстве случаев (перечисленных выше) выражает именно объективные или субъективные свойства определяемых объектов или же вместе с суффиксом

существительного придает всему высказыванию дополнительную стилистическую окраску. Однако иногда все же и суффикс *-оньк-* позволяет прилагательному передавать именно свойства самого признака.

Таким образом, в русском языке сложилась своеобразная система употребления уменьшительных суффиксов существительных и прилагательных; особенностью ее является то, что отдельные значения реализуются не на каждом из членов, а на словосочетании в целом.

Таким образом, понимание даже такой морфологической единицы, как диминутивный суффикс, невозможно без привлечения данных другого – синтаксического – компонента языковой системы. Однако невозможно оно и без обращения к взаимодействию диминутивного форманта с производящим симплексом. Эта проблематика будет рассмотрена на материале диминутивных прилагательных.

Диминутивные суффиксы качественных прилагательных обычно рассматриваются как в высшей степени регулярные и продуктивные без каких-либо ограничений. Факты, однако, противоречат этому представлению.

Словарные данные. В «Грамматическом словаре русского языка» 20000 прилагательных. Из них качественных примерно 3000. В словаре зафиксировано 121 уменьшительное прилагательное.

Корпусные данные. В текстах НКРЯ было зафиксировано 1993 словоупотребления уменьшительных прилагательных – 192 разных (частотность зафиксированных прилагательных колебалась от 133 до 1).

Корпусные данные в сопоставлении со словарными. 105 из 192 зафиксированных в корпусе методом сплошной выборки лексем диминутивных прилагательных включены в «Грамматический словарь». На них приходится 1844 из 1993 словоупотреблений уменьшительных прилагательных, зафиксированных в НКРЯ.

Диминутивы от 97 условно высокочастотных (по Засориной) симплексов в НКРЯ встретились 1701 раз. Диминутивы от 97 условно низкочастотных (по Засориной) симплексов в НКРЯ встретились 230 раз.

Большинство высокочастотных диминутивных прилагательных попали в «Грамматический словарь» и, наоборот, большинство диминутивных прилагательных, попавших в словарь Зализняка, оказались высокочастотными.

Таким образом, образование диминутивных прилагательных не является столь продуктивным процессом, как это обычно считается: в речи преимущественно употребляется небольшое количество диминутивных прилагательных, а сами эти диминутивные прилагательные в основном образованы от частотных недиминутивных прилагательных.

Очевидно, что обыкновенно используемые в речи (частотные) диминутивные прилагательные хранятся в индивидуальных лексиконах носителей языка как целостные слова. Такие слова употребляются в разных, не обязательно окрашенных стилистически, контекстах. Эти прилагательные

получают стилистическую или прагматическую функцию только в составе атрибутивного словосочетания (см. выше).

Доля же потенциальных (и окказиональных: *нашенский, центральный, бронзовый, безблетный*) диминутивных прилагательных в речи оказалась чрезвычайно мала, но именно они несут в себе экспрессивность, не связанную со структурой атрибутивного словосочетания.

Таким образом, диминутивный суффикс прилагательного реализует свой семантический и прагматический потенциал во взаимодействии с системой качественных прилагательных русского языка, т.е. с лексическим компонентом языковой системы.

Взаимодействие морфологического, лексического и синтаксического компонентов на примере атрибутивного словосочетания

Рассогласование определения с определяемым (как в следующем высказывании) – это один из самых частотных типов сбоев, встречающихся в русской речи:

(20) *Необходимо нам перевести потенциальные риски в некую э результат.*

Наблюдения над корпусом высказываний со сбоями такого типа позволили установить, какова природа морфологических показателей русского прилагательного, каковы механизмы, позволяющие носителям русского языка добиваться согласованности компонентов в составе именной группы, каким образом процесс лексического поиска взаимодействует с выстраиванием синтаксической структуры атрибутивного словосочетания. Эти результаты подробно обсуждаются в моей кандидатской диссертации⁶. В данном же разделе описываются некоторые следствия этих результатов, а именно те, которые касаются **взаимодействия** между грамматическими компонентами и механизмами, которые их обслуживают, в частности, с лексическим поиском.

Существует (если абстрагироваться от частных случаев) два конкурирующих способа оформления прилагательного в морфологических категориях. Во-первых, прилагательное может получать свои морфологические признаки **без опоры** на существительное; во-вторых, прилагательное может оформляться с **опорой** на существительное, в этом случае используется стратегия согласования (см. о ней в Главе 2). С учетом того, что в Главе 2 были показаны случаи, когда оформление существительного осуществляется путем согласования с уже порожденным прилагательным в составе того же атрибутивного словосочетания, общий вывод заключается в том, что принципиально наборы механизмов, обеспечивающих оформление компонентов атрибутивного словосочетания, совпадают.

Анализ обеих выделенных стратегий позволяет вскрыть природу взаимодействия между грамматическими категориями существительного и прилагательного в составе атрибутивного словосочетания, а анализ второй

⁶ Русакова М.В. Именная словоформа флективного языка (согласование в русском атрибутивном словосочетании). Дис.... канд. филол. наук. СПб. 2001.

стратегии позволяет также выяснить характер взаимодействия между процессом построения именной группы и лексическим поиском. Этим двум типам взаимодействия посвящены следующие два подраздела.

Взаимодействие между категориями существительного и прилагательного. Тот факт, что категории существительного и прилагательного в атрибутивном словосочетании вступают во взаимодействие, ни у кого не вызывает сомнения. Однако само слово «взаимодействие» может относиться к большому количеству различных типов отношений между сущностями. Не претендуя на полное исчисление этих типов, приведу несколько примеров. Двое несут ведро на палке, держа ее каждый за один конец (1); два мотора, работая одновременно, позволяют лодке развить скорость, существенно большую, чем каждый по отдельности (2); при командной игре бьет тот игрок, который оказывается ближе к летящему мячу (3); обычно посуду моет жена, но если она не может, приходится мыть мужу (4); вилка устроена так, что, когда едят мясо, ее втыкают, а нож устроен так, что им отрезают кусочек (5); при игре в подкидного игроки, составляющие пару, ходят по очереди (6); если мама контролирует, то Вася делает уроки, если нет, то нет (7); два передних колеса автомобиля вращаются под действием мотора, от чего автомобиль едет, два задних колеса нужны в сущности только для устойчивости конструкции, а крутятся они только для того, чтобы не мешать передним тащить автомобиль (8). Примеры можно продолжить.

Лингвисты практически безоговорочно трактуют синтаксис согласования в атрибутивном словосочетании таким образом, что его можно уподобить последнему из приведенных примеров. Однако анализ согласования прилагательного и существительного в категориях рода, числа, падежа, одушевленности и диминутивности показал, что между членами атрибутивной группы могут устанавливаться самые разные отношения. В области согласования удастся найти примеры на **все** перечисленные выше типы взаимодействия (за исключением, пожалуй, типа 6).

Закономерности поиска слова сквозь призму рассогласования. Рассогласование в атрибутивном словосочетании происходит вследствие несвоевременного извлечения определяемого существительного из лексикона. Сам по себе этот факт, а также наблюдения над отклонениями от канонической модели линейного устройства русской именной группы, фиксируемыми в спонтанной устной речи, позволяет сделать вывод о том, что процессы формирования лексической, синтаксической и прагматической структуры высказывания протекают в значительной степени **независимо** друг от друга, ни один из этих процессов не определяет (по крайней мере полностью) характер протекания других процессов.

Анализ корпуса сбоев в атрибутивном словосочетании позволяет выявить некоторые закономерности процесса лексического поиска. Говорящие, допустившие такие сбои, обычно с легкостью дают подробные интроспективные отчеты (в специальном эксперименте было доказано, что этим отчетам в данном случае можно доверять). Благодаря сбою этапы

поиска слова выходят с фонового уровня на уровень, доступный для самонаблюдения. Это дает лингвисту возможность отследить этапы извлечения определяемого существительного из лексикона.

Поскольку «рассуждение», приведенное в Главе 2, приложимо и к механизмам извлечения слова из лексикона, наблюдения и выводы, формулируемые ниже, распространяются на механизмы порождения существительных вообще, а не только тех, которые зафиксированы в атрибутивных словосочетаниях со сбоями. Выявлены следующие закономерности:

1. В то время, когда осуществляется реализация препозитивной адъективной словоформы в речи, процесс поиска определяемого в лексиконе продолжается.

2. По характеру взаимосвязи между процессами реализации препозитивной адъективной словоформы и поиска субстантивной лексики высказывания можно разделить на три основных типа, анализ каждого из которых позволяет сделать свои выводы.

2.1. В высказываниях первого типа реализованное и нереализованное определяемые находятся в отношениях синонимии. Следовательно, если возможно, из лексикона извлекается больше, чем одна лексема, соответствующая замыслу. Выбор реализуемой в речи лексики происходит "на конкурентной основе", принятие окончательного решения является случайным.

2.2. В словосочетаниях второго типа замена первоначального варианта происходит потому, что он не удовлетворяет или не полностью удовлетворяет говорящего. При этом реализованное и нереализованное определяемые могут находиться «на одном уровне обобщения» (в этом случае замена может производиться по разным причинам, включая стилистические), находиться в отношениях «вид – род», находиться в отношениях «род – вид», различаться степенью трудности извлечения плана выражения, актуализироваться в зависимости и вне зависимости от естественного прайминга, отвечать или не отвечать представлениям о понятности речи и т. д. Таким образом, существуют *различные* варианты и пути подступа к слову.

2.3. К третьему типу относятся словосочетания, где сбой происходит потому, что индивидуальная система не предоставляет ни одной единицы, адекватно выражающей смысл. В случае отсутствия в лексиконе необходимой лексики говорящий может избежать перифрастического способа выражения, обращая иногда к словообразованию, а иногда – к «приспособливанию» близкой по смыслу лексики.

3. Существуют различные степени «извлеченности» конкретной лексики из лексикона. Описание этого процесса не может быть ограничено такими категориями как «уже извлечено», «еще не извлечено».

4. До окончательного извлечения существительного из лексикона у говорящего есть гипотеза (верная или неверная) относительно классифицирующих грамматических категорий этого существительного.

Глава 6. Разноуровневые единицы языковой подсистемы «письменный язык» и их функционирование в процессе письма

Антропоцентрическое описание грамматики русского языка было бы неполным без обращения к языку в его письменной форме. В настоящей главе на основании наблюдений над речевой деятельностью, связанной с письменной формой речи, делаются некоторые выводы, имеющие прямое отношение к русской грамматике. В поле зрения попадает то, как носители русского языка осуществляют **орфографические** написания, так как именно орфография, если противопоставлять ее графике, является тем компонентом системы письма, который непосредственно связан с грамматическими единицами.

О роли орфографических правил в процессе порождения орфографических написаний

Тот факт, что носители русского языка по крайней мере иногда пользуются правилами орфографии, а также обращаются к орфографическим словарям, не требует доказательств. Именно эти действия являются единственным гарантированным путем к достижению стопроцентно правильных орфографических написаний. Выяснению же того, насколько в действительности велика роль использования орфографических правил при письме, был посвящен специальный эксперимент.

В ходе эксперимента 20 испытуемых работали с текстом, включающим 802 графемы, напечатанным в соответствии с правилами русской графики и орфографии. Испытуемые должны были отметить все места, где очень маленький ребенок, который едва выучил буквы, мог бы сделать ошибку. Тем самым, фактически испытуемые должны были отметить все те места, написание которых в принципе требует обращения к орфографии.

Результаты эксперимента показали, что ни один испытуемый не отметил и половины “проблемных” графем; в среднем было отмечено лишь 14% таких позиций. Перед тем как использовать какое-либо правило, пишущий, разумеется, должен найти место, где возможно несколько графемных решений. Тем самым из результатов эксперимента следует, что средняя для носителей русского языка доля орфографических написаний, осуществляемых при порождении письменного текста посредством правил, не может быть выше 14%. Была выявлена иерархия при маркировании испытуемыми позиций как проблемных, следовательно, существует и иерархия вероятности использования правил.

Таким образом, роль эксплицитных орфографических правил при письме по-русски невелика. Носители русского литературного языка, несмотря на то, что в течение многих лет они обучаются орфографическим правилам в школе, вырабатывают свою собственную систему письма, основанную на **имплицитных** механизмах, что характерно также и для других компонентов речевой деятельности.

Служебные морфемы как самостоятельные единицы письменной речевой деятельности

Даже уже приведенные результаты эксперимента указывают на то, что нормативность написания обычно достигается пишущими по-русски не путем применения орфографических правил, а посредством использования других стратегий. Одним из способов осуществлять выбор буквы, написание которой должно подчиняться правилу, без использования этого правила – это обращение к памяти, к представленным в ментальной системе графическим единицам, более крупным, чем одна буква. Такими единицами могут быть графические образы морфем и слов.

Доказательству существования таких единиц был посвящен еще один эксперимент, проведенный по той же методике, что уже описанный. Результаты эксперимента показали, что информанты увидели больше возможных ошибок в корнях и приставках, чем в суффиксах и тем более в окончаниях. Более того, информанты не отмечали как проблемные и графемы, используемые в окончаниях квазисуществительных, включенных в стимульный текст; из этого следует, что в качестве целостных графических единиц, репрезентированных в индивидуальных системах носителей русского языка, выступают не (только) словоформы, но и графические эквиваленты окончаний. Таким образом, из результатов эксперимента следует, в частности, что носители русского языка даже не замечают, что какие бы то ни было правила могут быть использованы при написании окончаний существительных, а значит, заведомо не обращаются к этим правилам в процессе письма.

Квазиорфографические стратегии

Результаты еще одного эксперимента⁷ показали, что в языковой компетенции носителей русского языка представлены и такие более крупные, чем буква, графические единицы, которые не соответствуют ни морфемам, ни словам, ни другим значащим единицам. В ходе эксперимента испытуемые писали диктант, в который было включено квазислово под видом географического названия. Распознаваемость этого слова была достаточно низкой, и многие восприняли его как /staváŋgil'/. 97% таких испытуемых отобразили на письме последний слог буквенной цепочкой «-гель». Очевидно, графическая единица «-ель» представлена в лексиконе носителей языка как самостоятельная, репродуцируемая единица, а графическая цепочка «-иль» – нет.

Результаты дополнительных экспериментов показывали также, что можно говорить об имплицитных "графотактических" правилах и о составных, но при этом семантически пустых единицах, используемых в процессе письма. Природа этих единиц достаточно разнообразна: часть из них ориентирована исключительно на фонетику; другие так или иначе

⁷ Эксперимент выполнен совместно с С.Саем.

связаны с существующими графическими образами значащих элементов языка. прежде всего – морфем.

Квазиграфические стратегии

Среди стратегий, обеспечивающих орфографические написания, выделяется группа, которую можно условно назвать *квазиграфическими стратегиями* – речь идет об отражении на письме фонем в слабой позиции без обращения к значимым единицам языка. Простейшей из этих стратегий является следование правилу «пиши то, что слышишь». Этой стратегии как основной придерживаются дети на начальных этапах онтогенеза письменной формы речи, и, как показала серия экспериментов, часто придерживаются и взрослые⁸. Другая (зеркальная первой) квазиграфическая стратегия — это стремление к гиперкоррекции. Гиперкорректные написания встречаются как у детей на определенной стадии освоения грамотности, так и в письменной речи взрослых – например, при отображении на письме слов иностранного происхождения.

В связи с обсуждением квазиграфических стратегий, обеспечивающих орфографические написания, интереснее всего, однако, следующее. План выражения слова (морфемы) в ментальных лексиконах носителей языка, по крайней мере взрослых, обычно имеет более, чем одну, репрезентацию. Для того чтобы распознавать звуковой облик слова в процессе восприятия звучащей речи, человек должен ориентироваться на реально прозвучавшие звуки и отождествлять их с фонемами родного языка. В дальнейшем, однако, носители русского языка могут (или должны) осуществить еще один этап обработки и перейти к той форме плана выражения слова, в которой отражена дополнительная информация (о словообразовательных связях слова, о закономерностях его правописания). Думается, что правомерно говорить не только о двух типах репрезентации слова, но и о двух типах фонологических единиц, формирующих эти репрезентации. Этот вывод подтверждается в эксперименте, описанном в Главе 5. Действительно, приведенные выше металингвистические суждения носителей русского языка о том, “что слышится” в слабых позициях слов, далеко не всегда соответствуют фонологическим представлениям лингвистов. Металингвистические представления часто коррелируют с правописанием (возможные причины такой корреляции обсуждаются в Главе 5). Существенно же то, что если человек на конце слова *дуб* «слышит б», то, когда он отражает эту единицу на письме при помощи буквы «б», он в каком-то смысле «пишет то, что слышит», т.е. пользуется квазиграфической стратегией.

⁸ Интересно, что и в описанном выше эксперименте, где испытуемые отмечали места возможных орфографических ошибок, написания, соответствующие реальному произнесению (например, «глухие» согласные буквы на конце слова), отмечались гораздо реже, чем написания, не соответствующие реальному произнесению.

Обсуждение

Как уже говорилось, только адекватное использование орфографических правил или руководство словарем при порождении **каждого** орфографического написания однозначно обеспечивает абсолютно грамотное письмо. Из всего сказанного в этом разделе следует, что так, конечно, не делает никто. Результаты наблюдений и экспериментальных исследований показали, что при отображении в процессе письма по-русски фонем в слабой позиции носители языка пользуются достаточно разнообразными стратегиями⁹.

Следовательно, процесс естественного письма по-русски обеспечивает только приближение к идеалу, закреплённому в системе русского правописания. Тем самым, процесс письма не отличается в этом аспекте от устной речи: можно утверждать, что неполное достижение идеала вообще является характеристикой протекания естественных речевых процессов. Как и в случае с другими естественными процессами, у носителя языка, порождающего речь, всегда имеется в распоряжении стратегия, гарантированно ведущая к успеху, но систематическое использование других стратегий позволяет существенно облегчить и существенно ускорить процесс порождения речи (в данном случае – в ее письменной форме).

В процессе письма используются операциональные единицы различной природы, от наиболее простых единиц – отдельных графем – до более сложных графических единств, как соотносимых с единицами значащих уровней языка (морфемами и, возможно, словами), так и семантически пустых (квазиморфем).

Самый общий вывод заключается в том, что письмо по-русски представляет собой отчасти процесс перекодировки устной речи в графические символы, а отчасти процесс, независимый от устного языка.

Глава 7. Исследования и положения, релевантные для разных разделов работы (служебные исследования и положения)

«И, а не ИЛИ принцип» в лингвистическом описании

На многие вопросы неверно давать ответы типа *да* или *нет*. Например: «Добры (злы) ли люди?». Простая логика подсказывает, что и лингвисты должны постоянно сталкиваться с сущностями, природа которых подразумевает невозможность описывать их в «да или нет» терминах.

Тот факт, что такие сущности практически не встречаются в традиционных лингвистических описаниях (по крайней мере в области морфологии), свидетельствует о том, что лингвистические представления содержат существенное упрощение или даже искажение описываемых

⁹ Специальный эксперимент показал, что – помимо других обсуждаемых здесь стратегий – в процессе письма под диктовку носители языка прибегают и к стратегии непосредственного отражения на письме услышанной звуковой материи, даже для фонем в слабой позиции.

объектов. В настоящем исследовании было выявлено значительное количество таких сущностей в сфере русской грамматики.

Для трактовки такого рода объектов введен соответствующий здравому смыслу принцип, называемый в разных разделах «И, а не ИЛИ принцип». Введение данного принципа не означает, что в лингвистическом описании следует отказаться от ответов типа «да или нет» на поставленные вопросы. Введение «И, а не ИЛИ принципа» позволяет разграничивать различные типы явлений.

Об использовании кавычек при употреблении лингвистических терминов

К сожалению, использование кавычек стало привычной практикой у лингвистов, постоянно находящихся в состоянии терминологического дефицита, особенно остро ощущающегося в практике антропоцентрического описания языка. Адекватный такому подходу терминологический инструментарий просто не успел сформироваться в лингвистике, что и определило частое использование кавычек в данной работе.

О возможностях анализа речевых сбоев с опорой на интуицию исследователя

Результаты специального эксперимента свидетельствуют об очень высокой степени единодушия информантов в предположениях относительно того, что послужило причиной сбоя, если в высказывании таковой наблюдается. В этом нет ничего удивительного, так как все участники эксперимента ориентировались на ментальные репрезентации одной и той же языковой системы и на однородность процессов перехода "от смысла к тексту" у разных носителей языка. Показательным является следующий факт: мнения информантов совпадают с интроспекцией говорящего, допустившего сбой. Правомочность опоры на интроспекцию подтверждается также и самонаправленными говорящих, допустивших сбой.

Отметим, что автор настоящего исследования оказался наиболее "типичным" информантом. Это, видимо, определяется как стратегией поведения в эксперименте, так и "стандартностью" автора как носителя языка. Последнее дает автору возможность в значительной степени опираться на языковое чутье при трактовке речевых сбоев.

Сказанное не предполагает того, что при оценке **каждого** конкретного высказывания интуиция исследователя оказывается верной. На интуицию исследователя (и других носителей языка) можно опираться при следующих условиях:

- выводы, в частности статистические, получаемые с опорой на интуицию исследователя, могут делаться только на основании анализа однородных групп сбоев, а не на основании анализа отдельных сбоев;
- формирование однородных групп сбоев должно происходить с опорой не только на интуицию, но и на другие факторы (например, на

однородные контексты, на однородность единиц, подвергшихся сбою, на однородность интроспективных отчетов говорящих, допустивших сбой).

О различных типах вариативности в русском языке

Представленное в работе исследование показывает, что в рамках антропоцентрического подхода следует выделять различные типы языковой вариативности. Так, например, вариативность, которая реализуется в употреблении категории одушевленности/неодушевленности, принципиальным образом отличается от той вариативности, которую можно наблюдать при употреблении причастий прошедшего времени в позиции неопределенности. В первом случае вариативность связана со стремлением носителей языка использовать морфологический показатель (окончание винительного падежа) как несущий грамматическое значение, во втором случае, напротив, грамматическое противопоставление оказывается нейтрализованным, что не позволяет говорящим использовать соответствующие показатели для выражения грамматического смысла.

Общим у двух типов вариативности является то, что и в первом, и во втором случае она является следствием отсутствия естественных нормативных установок, которые позволили бы носителям языка принимать однозначные решения в ситуации, когда система предлагает больше, чем одну, возможность. Думается, однако, что факты, связанные с вариативностью в сфере категории одушевленности и неодушевленности, с одной стороны, и с вариативностью в употреблении причастий, с другой, позволяют говорить о двух разных типах нормы.

В первом случае отсутствует норма, которая связана прежде всего с выражением значения, – не для всех типов значений, вовлеченных в сферу категории одушевленности/неодушевленности, нормативно зафиксирован единственный путь к соответствующему языковому средству. Такая норма должна облегчать участникам коммуникативного акта задачи, связанные с категоризацией. В случае с причастием норма должна обеспечить единообразие в реализации морфосинтаксической конструкции. Этот тип нормы не связан с формированием семантической структуры высказывания. Отсутствие нормы второго типа в меньшей степени осложняет процесс коммуникации, чем отсутствие нормы первого типа. Разница в типах вариативности и «нормативной недостаточности» определяется тем, что в одном случае мы имеем дело с явлением неполной грамматикализации, в другом – с фактической невозможностью реализовать в определенной морфосинтаксической позиции существующее в языке противопоставление «настоящее – прошедшее время». В одном случае колебания происходят потому, что носителю языка очень важно использовать языковое средство для передачи или восприятия смысла, в другом случае колебания происходят потому, что использование языкового средства не может ничего добавить к семантической структуре высказывания, а следовательно, выбор одного из двух элементов парадигмы не важен для носителя языка.

Закономерности выбора аккузатива или генитива в конструкциях с отрицанием демонстрируют возможность сочетания двух типов вариативности при реализации одного грамматического явления. Этот тип вариативности должен описываться в соответствии с «И, а не ИЛИ принципом».

Думается, что приведенные факты способствуют наполнению антропоцентрическим содержанием классического противопоставления «система/норма» (Косериу).

Заключение

Проведенное исследование показало, что создание описания русского (и любого другого) языка с опорой на закономерности реализации в процессе речевой коммуникации различных грамматических явлений не только необходимо, но и возможно.

Возможности создания такого рода грамматик определяются следующими факторами, характеризующими современное состояние лингвистической науки:

1. Достаточной развитостью полученных на основании изучения текстов знаний о грамматических системах конкретных языков и грамматики в целом.

2. «Воссоединением» лингвистики с другими науками о человеке.

3. Революционными процессами в области развития технологии лингвистического исследования. Для проведения исследований, сходных с настоящей работой по целям и задачам, самым важным в области методологии является возможность обращения к различным Интернет-ресурсам, в первую очередь к большим массивам данных, организованным в корпусы. Появление новых методологических возможностей позволяет решать вопросы, которые накапливались в лингвистике в течение десятилетий.

Проведенное исследование показало, что обращение к говорящему и слушающему человеку, к различным типам естественной речи позволяет лингвисту выйти за жесткие рамки идеологически окрашенных лингвистических школ и концепций и получать факты, которые не нуждаются в ненадежных терминологических и концептуальных интерпретациях.

Выводы всех без исключения разделов настоящего исследования показывают, что все найденные закономерности определяются самой природой языка – системы, существующей для того, чтобы хранить накопленные человеком и человечеством категоризации и **передать информацию** в коммуникативных процессах.

В процессах порождения и восприятия речи носители языка постоянно передают и воспринимают новую информацию и постоянно оказываются в ситуациях необходимости принятия решения о релевантности этой информации и способах ее передачи. Все это определяет не жесткий, не полностью структурированный, динамический характер самой языковой

системы. Сказанное касается не только самых высоких уровней языка, но и грамматики, в частности – морфологии. Грамматическое описание должно и может быть построено с учетом этих положений. Некоторые компоненты такого описания, как мне представляется, сформированы в настоящем исследовании.

Основное содержание исследования отражено в следующих публикациях:

По теме диссертации опубликована монография:

1. Психолингвистика. Вступительные лекции. Учебное пособие для филологических факультетов. — СПб.: РГПУ, 2002 — 51 с.

Статьи, опубликованные в изданиях, рецензируемых ВАК:

2. Русакова М.В. О возможности применения принципов парадигматического описания к падежной семантике // Вестник МГУ. Серия "Филология". — 1988, N3. — С. 54–55.

3. Русакова М.В. Дело о падеже. Очередное слушание // Мир русского слова. — 2001, N1. — С. 52–56.

4. Русакова М.В., Сай С.С. О функциональной специфике русского прилагательного в связи с понятием "имя" // Индоевропейское языкознание и классическая филология – VI. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского, 24–26 июня 2002 г. / Под ред. Н.Н.Казанского. — Санкт-Петербург: Наука, 2002. — С. 154–159.

5. Русакова М.В. Рецензия на: Givón, Talmy. 2002. Bio-Linguistics: The Santa Barbara Lectures. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins // Вопросы языкознания. — 2005, № 6. — С. 129–136.

6. Русакова М.В. К проблеме значения и функции русского падежа: стратегии падежного оформления в русском языке // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Филология. Востоковедение. Журналистика. — 2006. Серия 9, Вып. 1. — С. 57–72.

7. Русакова М.В. Категория одушевленности/неодушевленности: реализация в речи единиц с переносным значением // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований / Под ред. И.Н. Казанского. — Санкт-Петербург: Наука, 2007. Т. III, Ч. 3. — С. 113–153.

8. Русакова М.В. О позиции неопределенности и конкуренции действительных причастий прошедшего и настоящего времени несовершенного вида // Вестник СПбГУ. Филология. Востоковедение. Журналистика. — 2008, Вып. 2, Ч. 2 — С. 237–244.

9. Русакова М.В., Сай С.С. Глагольная парадигма в индивидуальных системах носителей русского языка и проблема грамматического вида // Вестник СПбГУ. Филология. Востоковедение. Журналистика. — 2008, Вып. 2, Ч. 2 — С. 205–214.

Публикации в прочих изданиях:

10. Асиновский А.С., Богданов С.И., Богданова Н.В., Бондарко Л.В., Бурыкин А.А., Овчаренко Е.Б., Павлова (Русакова) М.В. Об использовании морфологической информации в целях распознавания непрерывного речевого потока // Автоматическое распознавание слуховых образов – 10. — Тбилиси, 1978. — С. 70–71.
11. Павлова (Русакова) М.В., Славин Л.Н. Об одном из способов автоматического перехода от не полностью распознанной последовательности фонем к предложению // Семантика естественных и искусственных языков в специализированных системах. — Л., 1979. — С. 32.
12. Асиновский А.С., Богданов С.И., Бондарко Л.В., Ермолова О.Б., Овчаренко Е.Б., Павлова (Русакова) М.В. О фонетических и морфологических предпосылках синтаксического анализа устной речи // Автоматическое распознавание слуховых образов – 11. — Ереван, 1980. — С. 217–220.
13. Русакова М.В. К вопросу о лингвистической и психолингвистической функции морфемы // Семантические аспекты языка. — Л., 1981. — С. 92–99.
14. Русаков А.Ю., Русакова М.В. Звуковые изменения и вариантность // Вариантность как свойство языковой системы. Ч. 2. — М., 1982. — С. 52–54.
15. Русаков А.Ю., Русакова М.В. К вопросу о роли морфемы в речевой деятельности // Лингвистические исследования. М., 1983. — С. 168–177.
16. Русакова М.В. О возможностях различного представления единиц с одинаковыми структурно-лингвистическими свойствами в распознающих системах // Автоматическое распознавание слуховых образов – 13. — Новосибирск, 1984. — С. 55–58.
17. Русакова М.В. Деривация в языке и деривация в речи как критерий флективности/нефлективности морфемы // Деривация и история языка. — Пермь, 1985. — С. 213.
18. Русакова М.В. Внутрисловные структуры в речевой деятельности. Формообразовательные структуры в речевой деятельности // Уровни языка в речевой деятельности / Под ред. Л.В. Бондарко. — Л., 1986 — С. 46–79.
19. Rusakova M.V. On the Morpheme Boundary as a Criterion of Phonemic Divisibility // The Eleventh International Congress of Phonetic Sciences. Proceedings, V. 2. — Tallinn, 1987. P. 419–422.
20. Русакова М.В. Об отражении в сознании носителя языка статистических характеристик грамматических единиц // Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации "Языковое сознание". — М., 1988 — С. 153–154.
21. Русакова М.В. О деривации падежно-числовых форм русских существительных // Деривация в речевой деятельности (Языковые единицы). — Пермь, 1988. — С. 146–148.
22. Русакова М.В. Методика исследования лексико-грамматической памяти. Запоминание словоформ // Новые методы нейропсихологического исследования. — М., 1989. — С. 151–158.
23. Rusakova M.V. Perception of the Russian Nominal Word Forms // The XIIth International Congress of Phonetic Sciences. Proceedings. — Aix-en-Provence, 1991.

24. Русакова М.В. Предложно-падежные формы в детской речи // Международная конференция "Ребенок в современном мире. Мир ребенка и его язык". Тезисы докладов. Т.III. — СПб., 1993. — С. 118–142.
25. Rusakova M.V. Acquisition of case meanings in Russian // Cross-linguistic Workshop on the Acquisition of Slavic & Baltic Languages by Children. Abstracts. Krakow. 1993. — С. 28.
26. Русакова М.В. (Записи детской речи) // Детская речь. Тексты, дневники, наблюдения. — СПб.: Образование. 1993.
27. Русакова М.В. Цейтлин С.Н.. Детская речь: Словарь лингвистических терминов. — СПб.: Образование, 1993. — 16 с.
28. Русакова М.В. Период однословных высказываний (наблюдения над речью русскоязычного ребенка) // Проблемы детской речи. Материалы межвузовской конференции. — СПб., 1994.
29. Русакова М.В. Регулярное и уникальное в освоении грамматики // Проблемы детской речи – 96. Материалы межвузовской конференции. — СПб., 1996.
30. Русакова М.В. О некоторых психолингвистических характеристиках флексии русских существительных // Морфемика. Принципы сегментации, отождествления и классификации морфологических единиц. — СПб., 1997. — С. 237–246.
31. Русакова М.В. Дугаев Д.О. Ошибки на письме – система сбора и обработки данных // Проблемы детской речи – 97. Материалы межвузовской конференции. — СПб., 1997 — С. 54–55.
32. Rusakova M.V. On acquisition of the probabilistic prediction strategy // Proceedings of the 5th international congress of the international society of applied psycholinguistics. 25–27 June 1997. — Porto, 1997 — P. 365–368.
33. Русакова М.В., Сай С.С. Некоторые особенности установления звукобуквенных соответствий в процессе письма под диктовку // Проблемы детской речи – 1998. Материалы всероссийской научной конференции. — СПб.: Череповец, 1998. — С. 73–75.
34. Русакова М.В., Сай С.С. Факторы, влияющие на распознавание и графическое отображение незнакомого слова в процессе письма под диктовку // Проблемы детской речи – 1998. — Череповец, 1998. — С. 60–64.
35. Русакова М.В. Спряжение русского глагола в речевой деятельности // Материалы XXVII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Выпуск 13. Секция общего языкознания. — СПб.: СПбГУ, 1998.
36. Русакова М.В. О некоторых закономерностях поиска слов в ментальном лексиконе // Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Выпуск 16. Секция общего языкознания. Часть 2. — СПб.: СПбГУ, 1999. — С. 35–38.
37. Русакова М.В. О словоизменяемых категориях прилагательного в языке и речевой деятельности // Русистика и современность. Материалы международной научно-практической конференции. Тезисы докладов. 29–30 июня 1999 г. — СПб., 1999. — С. 149–150.
38. Русакова М.В. Категория одушевленности в языковой компетенции носителей русского языка // Русистика и современность. Материалы

международной научно-практической конференции. Тезисы докладов. 29–30 июня 1999 г. — СПб., 1999. — С. 190–191.

39. Русакова М.В. Об одном механизме оформления согласования в атрибутивном словосочетании // Материалы конференции "Проблемы детской речи – 1999". Санкт-Петербург, 24–26 ноября 1999г. — СПб., 1999. — С. 160–161.

40. Русакова М.В. О некоторых закономерностях хранения в лексиконе и порождения в речи русских глагольных словоформ // Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Выпуск 16. Секция общего языкознания. Часть 2. — СПб.: СПбГУ, 1999. — С. 35–38.

41. Rusakova M.V., Rusakov A.Yu. Russian case system: language acquisition and language contacts // 9th International Morphology Meeting. Abstracts. — Vienna, 2000. — P. 136–137.

42. Rusakova M.V. On grammatical categories of Russian adjectives in speech processing // 9th International Morphology Meeting. Abstracts. — Vienna 2000. — P. 138–139.

43. Русакова М.В. О роли случайного в падежной грамматике // Материалы XXIX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 14. Секция общего языкознания. Часть 1. — СПб.: СПбГУ, 2000. — С. 30–34.

44. Русакова М.В. Теория синтаксического согласования и "согласовывание" в речевой деятельности // Петербургское лингвистическое общество. Вторые научные чтения. Тезисы докладов. — СПб.: СПбГУ, 2000. — С. 19–20.

45. Rusakova M.V., Sai S., Bogomolova S., Guerassimov D., Tangisheva T., Zaika N. On mental representation of Russian aspect relations // 9th International Morphology Meeting. Abstracts. — Vienna, 2000. — P. 140–142.

46. Rusakova M.V., Sai S.S. On spelling processing and spelling rules mental representation in Russian // 35. Linguistisches Kolloquium, 20–22 September 2000, Innsbruck. Abstractband. — Innsbruck, 2000. — P. 47.

47. Ceytlin S.N., Rusakova M.V. On strategies of Russian spelling processing and acquisition // I. Austad & E. Lyssand (eds.). Literacy – Challenges for the new millennium. Selected Papers of the 11th European Conference on reading, August 1–4, 1999. Stavanger, Norway. — Stavanger: Center for Reading Research in cooperation with Norwegian Reading Association, 2000. — P. 151–160.

48. Rusakova M.V. On double representation of the Russian derivatives in language competence // 35. Linguistisches Kolloquium, 20–22 September 2000, Innsbruck. Abstractband. — Innsbruck, 2000. — P. 47.

49. Русакова М.В. Два и другие малые количества в мыслительном пространстве, языке и речи // Теоретические проблемы функциональной грамматики. Материалы Всероссийской научной конференции. — СПб., 2001. — С. 176–179.

50. Русакова М.В., Павлов В., Сай С. С. О механизмах, обеспечивающих орфографические написания // Русский текст. — 2001, № 6. — С. 67–80.

51. Русакова М.В. Согласование в атрибутивном словосочетании и морфологические категории русского прилагательного // Международный

- конгресс. Русский язык: исторические судьбы и современность. Москва, МГУ, 13–16 марта 2001-го года. Сборник тезисов. — М.: МГУ, 2001.
52. Rusakova M.V., Sai S., Bogomolova S., Guerassimov D., Tangisheva T., Zaika N. On the mental representation of Russian aspect relations // *Morphology* 2000. Selected papers from the 9th Morphology Meeting, Vienna, 24–28 February 2000. [= *Current Issues in Linguistic theory*. 218] / Ed. by S.Bendjaballah. W.U.Dressler. O.E.Pfeiffer and M.Voeikova. — Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins. 2002. — P. 305–312.
53. Русакова М.В., Русаков А.Ю. Русские диминутивы: сочетаемость, функционирование, семантика (к постановке проблемы) // *Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А.В. Десницкой*. — СПб., 2002. — С. 267–275.
54. Русакова М.В. Афазия. Детская речь // *Российский гуманитарный энциклопедический словарь*. Т. 1 / Под ред. П.А. Клубкова и др. — СПб.: Владос, 2002.
55. Русакова М.В. Патология речи. Психоллингвистика // *Российский гуманитарный энциклопедический словарь*. Т. 3 / Под ред. П.А. Клубкова и др. — СПб.: Владос, 2002.
56. Rusakova M.V. Review of: Givón, Talmy. 2002. *Bio-Linguistics: The Santa Barbara Lectures*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins. Posted in: www.linguistlist.org/issues/14/14-3125.html.
57. Русакова М.В. О взаимодействии грамматических категорий существительного и прилагательного в русском языке // *Грамматические категории: иерархии связи, взаимодействие*. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 22–24 сентября 2003 г. / Под ред. В.С. Храковского. — СПб.: Наука, 2003. — С. 135–140.
58. Русакова М.В., Дич Н.Л. Согласные, парные по признаку глухости / звонкости, в зеркале интроспекции // *Письменная коммуникация и фонетический строй языка*. Памяти Веры Федоровны Ивановой. — СПб.: СПбГУ, 2003 — С. 137–150.
59. Русакова М.В. Языковая компетенция и механизмы речевой деятельности в онтогенезе (программа курса) // *Центр переподготовки и повышения квалификации научно-педагогических кадров. Программы курсов*. — СПб.: СПбГУ, 2003. — С. 237–241.
60. Русакова М.В. Экспериментальная грамматика русского языка (программа курса) // *Центр переподготовки и повышения квалификации научно-педагогических кадров. Программы курсов*. — СПб.: СПбГУ, 2003. — С. 234–237.
61. Русакова М.В. Отклонения от системы в спонтанной речи: анализ и лингвистические импликации (программа курса) // *Центр переподготовки и повышения квалификации научно-педагогических кадров. Программы курсов*. — СПб.: СПбГУ, 2003. — С. 231–234.
62. Русакова М.В., Сай С.С. Видовая пара русского глагола в индивидуальном лексиконе и речевой деятельности // *Грамматическая и лексическая семантика*. Памяти Л.Л.Буланина / Под ред. Н.В.Богдановой и Б.И.Осипова. — СПб.: СПбГУ, 2003. — С. 116–128.
63. Русакова М.В. Об окказиональном согласовании в русской разговорной речи // *Русский язык: исторические судьбы и современность*. II

Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2004 г.). Труды и материалы / Сост. М.Л. Ремнева, О.В. Дедова, А.А. Поликарпов. — М.: Изд-во МГУ, 2004. — С. 322–323.

64. Русакова М.В. Между семантической структурой и синтаксическими отношениями: стратегии падежного оформления в русском языке // International symposium [sic!] "The Typology of Argument Structure and Grammatical Relations". 11–14 May, 2004, Kazan. Proceedings / Ed. by B. Comrie, P. Suihkonen & V. Solovyev. — Kazan, 2004. — P. 310–312.

65. Rusakova M.V. Russian diminutive/hypocoristic adjectives: between inflection and derivation // 11th International Morphology Meeting. Abstracts. — Vienna, 2004. — P. 132–133.

66. Русакова М.В. Семантика, стилистика и прагматика русских diminutivov в атрибутивном словосочетании // Четвертая типологическая школа. Международная школа по лингвистической типологии и антропологии. Ереван, 21–28 сентября 2005 г. Материалы лекций и семинаров. — М.: РГГУ, 2005. — С. 288–290.

67. Rusakova M.V. Error as a hallmark of non-deviant speech processing // Вторая международная конференция по когнитивной науке. The second biennial conference on cognitive science. June 9–13, St. Petersburg, Russia. Abstracts. Volume 1. — СПб., 2006. — С. 144–145.

68. Rusakova M.V. Morphophonological errors of adult speakers of Russian in comparison with those of children and second language learners // 12th International Morphology Meeting. Budapest, May 25–28, 2006. Abstracts. — Budapest, 2006. — P. 54–55.

69. Русакова М.В. Речевые сбои как признак зрелости языковой компетенции // Онтолингвистика. Некоторые итоги и перспективы. К пятнадцатилетию кафедры детской речи РГПУ им. А.И. Герцена. — СПб.: Изд-во ИРАВ, 2006. — С. 118–23.

70. Русакова М.В. Синтаксическое согласование или содержательная морфология (по поводу сущности морфологических категорий существительного в трактовке С. Д. Кацнельсона) // Типология языка и теория грамматики. Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Соломона Давидовича Кацнельсона. ИЛИ РАН. — СПб., 2007. — С. 171–174.

71. Русакова М.В. Раздел в коллективной монографии «Полевая лингвистическая практика. Учебно-методический комплекс сложной структуры. Часть 1. Теоретические основы и методика сбора лингвистических данных для представления их в речевом корпусе русского языка» / Ред. Асиновский А.С., Богданова Н.В. — СПб., 2007.

72. Русакова М.В. Раздел в коллективной монографии «Полевая лингвистическая практика. Учебно-методический комплекс сложной структуры. Часть 2. Методические указания по обработке, многоуровневой разметке и лингвистическому анализу корпуса звучащих текстов на русском языке» / Ред. Асиновский А.С., Богданова Н.В. — СПб., 2007.

73. Русакова М.В. О путях поиска графического символа // Грани русистики. Филологические этюды. Сборник статей, посвященный 70-летию

профессора В.В. Колесова. — СПб: Филологический факультет СПбГУ. 2007. — С. 512–523.

74. Русакова М.В. Сбои при порождении словоформы в устной речи как результат спонтанного взаимодействия стратегий и механизмов // Материалы XXXVI Международной филологической конференции. 12–17 марта 2007 г. Санкт-Петербург. Выпуск 20. Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы естественных языков. — СПб., 2007. — С. 59–71.

75. Asinovsky A., Koroleva I., Rusakova M., Ryko A., Philippova N., Stepanova S.. On Integral Multilevel Annotation of a Spoken Russian Corpus // Proceedings of the XII International Conference Speech and Computer (SPECOM'2007). Moscow, October 15–18. 2007. — М., 2007. — С. 893–897.

76. Русакова М.В., Сай С.С. Russian animacy: variation and its trends // 13th International Morphology Meeting 2008. Abstracts.— Vienna. 2008. — P. 84.

77. Степанова С.Б., Асиновский А. С., Богданова Н. В., Русакова М. В., Шерстинова Т. Ю. Звуковой корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день»: Концепция и состояние // Труды международной конференции «Диалог 2008». — М., 2008. — С. 488–495.

78. Асиновский А.С., Богданова Н.В., Королева И.В., Куканова В.В., Русакова М.В., Рыко А.И., Степанова С.Б., Шерстинова Т.Ю. Звуковой корпус русского языка повседневного общения. Электронная публикация на сайте ИФИ СПбГУ. — С. 1–14. http://model.iphil.ru/doc/odin_razgovornyi_den.pdf.

79. Русакова М. В., Сай С. С. Конкуренция действительных причастий прошедшего и настоящего времени // Корпусные исследования по русской грамматике. Сборник статей. Под ред. К. Л. Киселевой, В. А. Плунгяна, Е. В. Рахилиной, С. Г. Татевосова. — М., 2009. — С. 245–282.

Подписано в печать 23.03.09

Печать цифровая. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 3,5.

Тираж 200 экз. Заказ № 254

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре «Фора-принт»
СПб., Большой пр. П.С. д.106 Тел. 326-03-51

